

№ 15 АВГУСТ 1970

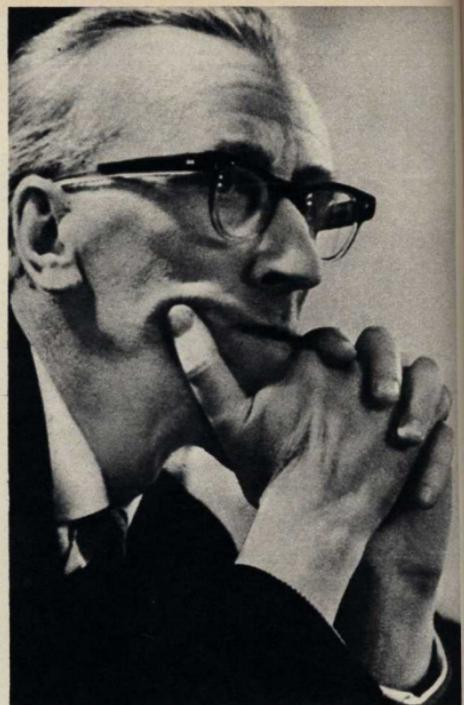
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

Среди выступавших на XVI съезде комсомола был замечательный композитор, страстный пропагандист прынципиальной культуры Дмитрий Борисович Кабалевский. Мы напечатали Дмитрия Борисовича на основе его выступления на секции по эстетическому и художественному воспитанию молодежи, которая работала в рамках съезда ВЛКСМ, подготовить для читателей нашего журнала статью о роли законов красоты, о значении прекрасного в духовном, творческом росте советской молодежи.

ЖИЗНЬ. МУСТИСТВО. ЧЕЛОВЕК.

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ

Вряд ли нужно доказывать, что проблемы эстетического и художественного воспитания имеют самое прямое отношение ко всей молодежи, к каждой девушке, каждому юноше, каждому подростку, даже если не все они и не всегда отдают себе в этом отчет.

Вопросы эстетического воспитания выходят сейчас на первый план, они тесно связаны с идеальными, интеллектуальными и особенно нравственным воспитанием детей, молодежи. Неизменно растет число людей самых разных профессий, стремящихся принять посильное участие в практическом решении этих вопросов. Отношения к искусству: никогда еще в таком числе и так активно они не участвовали в практической работе по эстетическому воспитанию юных, как сегодня.

Но само существование, смысл и значение эстетического воспитания чахнут у нас еще неверно, сводятся лишь к стремлению познакомить молодежь поколение с искусством, да ему какое-то количество знаний из области художественной культуры. Ведь именно такое, обединенное и, в итоге, искаженное понимание эстетического воспитания влечет за собой нередко недодооценку его, вынесенную за рамки того бессознательного, что должно входить в состав духовной культуры человека.

Эстетика выходит сейчас далеко за пределы искусства, вторгаясь буквально во все области жизни. Из науки только лишь из искусства эстетика превращается в наше время в науку о законах красоты, по которым, как это в свое время говорил К. Маркс, должно строиться человеческое общество. А поскольку законы красоты распространяются абсолютно на все области материальной и духовной деятельности человека, то знать эти законы, поимывать из внутренней сущности, владеть ими и сознательно ими использовать — значит, быть для каждого человека, каждого член общества, независимо от своей профессии.

Ведь законам красоты подвластны все области человеческого труда; вся обстановка, в которой люди живут, включая внешний вид помещений, городов, сел, улиц и площадей. Этими законам подвластны все отношения между людьми, нравственность человека, его отношение к жизни.

Но говоря о законах красоты, нельзя забывать о том, что существуют и «законы уродства», некие соединившиеся в общей жизненном несправедливости, на подчинении и эксплуатации человека человеком.

Борьба за «законы красоты» — это борьба за то, чтобы законы красоты — это смысл и содержание борьбы за наше будущее, это условие успешного продвижения вперед к этому будущему.

Из понимания эстетики как науки о законах красоты, по которым строится жизнь, вытекает и верное понимание задач эстетического воспитания,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 15 (1037)
АВГУСТ
1970

«Комсомольским организациям усилить эстетическое воспитание юношей и девушек. Следует помогать им в усвоении принципов марксистско-ленинской эстетики, формировать высокие художественные вкусы, учить правильно, с классовых позиций оценивать произведения литературы и искусства».

Из резолюции XVI съезда ВЛКСМ.

Наша фотография: сцена из спектакля «Дон Жуан или любовь и геометрия». Марияна Валентина Шарыкина, Родриго — Михаил Державин.

Фото Мираслава МУРАЗОВА

О молодой актрисе Валентине Шарыкиной читайте на стр. 32.

4 УПРАВЛЯЕМОЕ МГНОВЕНИЕ. Репортаж с автополигона.

14 ВНИМАНИЕ, «МОСКИТЫ»! Интервью с вице-адмиралом В. Н. АЛЕКСЕЕВЫМ.

20 ОЧЕРК О МОЛОДОМ КРАСНОЯРСКОМ УЧЕНОМ-ФИЗИКЕ НАДЕЖДЕ ФЕДОСЕЕВОЙ.

28 «ПРИКЛЮЧЕНИЯ XX ВЕКА». ОПАСНАЯ ОХОТА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ВСТРЕЧА С УЧАСТИКИAMI IV МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ ГРУЗИИ

КЕНТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
СМЕРТЬ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Р. Казинова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лихнов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Буднина

кают. И не может увлечь, заинтересовать, обогатить то, что давно уже сами знают, что не выходит за пределы тех же «кот и «ко».

Я знаю, как многие школьники, уже подошли к выпускным экзаменам, все еще мучительно думают о том, какую профессию избрать себе. Пусть же каждый школьник верит и знает, что в любой профессии, какой бы он ни выбрал, он сможет открыть новый мир, пусть маленький, но новый, свой мир! И пусть он сам решит, что это его мир, и что для этого нужно, а самое главное — разность и яркую подлинную удовлетворенность.

Совсеменно происходит одно из чудес жизни: даже капля нового, созданного тобой самим, влияет в твою столько творческих сил, что их хватит уже на что-то большее и более значительное.

Из капель нового создаются моря и океаны нового, обогащающего жизни, двигающего ее вперед.

Вот почему творческое начало надо обязательно развивать в каждом человеке, и именно в те ранние детские годы, когда в человеке легче всего вызвать его и развить. Искусству, как огромной, действенной силе, здесь принадлежит решающая роль.

Всемирно прославленный наш хирург С. Юнин написал книгу «Размышления хирурга», будто изданную после его смерти. Ее в этой социальной книге много интереснейших мыслей о связи науки с искусством. Есть в ней и такая фраза: «Перед наиболее сложными операциями я привык в своем кабинете перелистывать страницы партитуры Шестой симфонии Чайковского».

Это слова, над которыми стоит серьезно задуматься.

Представьте себе, хирург готовится к сложной операции, от исхода которой зависит, будет человек жить или, может быть, погибнет, останется калекой или выздоровеет. Хирург остается надеяться, халат, резиновые перчатки и подойдет к операционному столу, на котором уже лежит усиленный больной. В этот момент хирург мало, талала, мастерства и опыта — ему нужны спокойный звон колокола, музикальные душевные сны. И что же ему в этом помогают? Чайковский! Композитор, страстью любивший жизнь и человека! Композитор, всегда воспевавший в своей музыке добро, всегда стремившийся к свету, к солнцу!

Вот так раскрывается значение музыки для человека, ее связь и с нравственностью и со всем его внутренним миром.

Неоценимые и познавательная роль искусства, в частности музыки. Представьте себе, как обделили бы наши представления, например, о первой русской революции, какими бы формальными, чисто логическими стали они,

если бы отнять у нас «Мать» Горького и рабочие революционные песни торы. Именно искусство способно приблизить к нам любое историческое событие, дать нам почувствовать себя современником и даже участников этого события, обогатить наше представление об историческом факте ощущением живой атмосферы, в которой факт этот совершился...

Но как бы ни велики были познавательные возможности искусства, мы должны помнить, что оно — это мир человека.

Действительно, не один учебник не в состоянии вызвать в ребенке такого острого понимания и ощущения важнейших нравственных понятий, какие может вызвать и действительно вызывает в нем искусство.

Конечно, без учебника мы не сдвинемся в своем развитии ни на шаг. Но не сдвинемся и без искусства, без эстетического восприятия и понимания мира, людей, самих себя. Какой учебник разъяснит ребенку разницу между добром и злом, смелостью и трусостью, любовью и ненавистью?

А вот искусство, начиная с маленьких книжек, песенок, картинок, кинофильмов, спектаклей, делает это с великоликим успехом.

Только искусством можно воспитывать эстетическое чувство, можно воспитывать эстетическую гармонию, развитию подлинно культурного человека.

И я хотел бы подчеркнуть, что дети, подростки (не говоря уже о младенцах!) способны глубоко воспринимать гораздо более богатое и сложное искусство, чем предлагаю мы школьные программы и даже вопросы распространенному в педагогических кругах мнению, будто восприятие сложных произведений искусства недоступно им, или, во всяком случае, малодоступно без специальной подготовки.

В конце апреля этого года завершался цикл симфонических концертов для старших школьников, которые в Колонном зале Дома союзов вот уже два года проводят Союз композиторов и Всесоюзный радио. Дома союзов. Концерт завершился тем, что послал 100-летний звон со дзвонарями в И. Ленинград. Всего этого концерта, в котором музыка должна была быть сопровождаться беседой, попросили меня. Я согласился и предложил такую программу: в 1-м отделении — Шестая симфония Чайковского, во 2-м отделении — Пятая симфония Бетховена. А тема беседы складывалась естественно: «Ленин и музыка».

Непривычная сложность такой программы для учащихся общеобразовательных школ вызвала понимание опасения. Потом все сошлись на том, что надо попробовать провести такой концерт. И, наконец, то, как концерт прошел, как внимательно слушали переполненный зал рассказ о Ленине и его любви к музыке и особенно как, я бы сказал, вдохновлено были прослушаны

Фазу АЛИЕВА, народная поэтесса Дагестана,
депегат XVI съезда ВЛКСМ

НА СКАЖАХ

Чтоб победил
Один из коней,
Сколько коней в дороге!
Чтоб победил
Одни из людей,
Сколько людей в тревоге!
А вот —
И последний уже поворот!
И конь один достигает
Финиш!

Мужика свист,
И народ.
Джигита уже качает,
На мокрую спину и шею коня,
На грону коня и челку
Бросают,
Как будто комочки огня,
Платочки свом из шелка...
Публика вечно раба
Победы на скачках
И модели...
Печально коней побежденных
Судьбы.

Они опустыни морды
И прыщут уши
Под тяжество век
Свои виноватые взгляды.

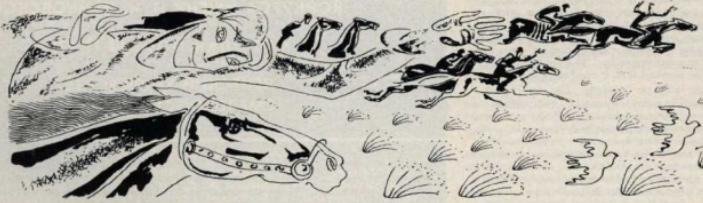
И плачет бессовично,
Как будто вояж.
Уже мы не будем поощдены.
О побежденных кони!
Не всп
Сейчас мне до боли жалко.
О побежденных люди!
Сейчас
Не всп в жало же зверя.
Победившего жилья коня.
Победившего жилья коня,
Победа на скачках —
Отнюдь не броня:
Для звезды-пули открыта.
Победа —
То дерево,
Что высоко
Над прочими вырастает,—
У всех же виду
И разинуло.
И первым от буря страдает.
И я беспокоюсь не зра о коне.
Которого хвалят сегодня,
И страх за джигита понятен
Вполне.
Которого славят сегодня.

УХОДЯТ ГОДЫ

Уходят годы,
Разрешены
Не спрашивая у меня.
И цвет меняется весенним
На цвет осенний огня.
Он все сжигает, что под силу.
Венок из соломы, серебра.
Мне страшно чувствовать,
Мой мышь.
Клятвотступящий себя.
Ну в чем, скажи, я виновата?
Уходят годы, как вода...
С тобой мы встретились когда-то.
Когда была я молодая.
Сейчас мне кажется, как будто

В полночи тебе в тот год
Навсегда сохранил то чудо,
Которое весна дает:
Улыбку из-под белой шапки
И косы черные до пят.
Глаза без искрики печали
И щек фруктовый аромат,
Фигурку томенную в танце,
В почты воздушном, неземном,
И в солнечных колечек пальцы,
Тебя освещенным дом...
О, когда для тебя все это
Хотела сохранить бы мне!
Кто кашает:

Пора расцвета
Уходит по морю вине.
На помощь призываю мудрость
В честь мне виниться!!
Знаю я,
Что отдала свою я юность,
Мой муз,
Твою, сыновьям,
Как дерево зеленым почкам
Весной соня отдает.
Года...
И все же я мечтаю
Остаться у тебя в душе
Такой,
Какой была в том мае,
Каков не буду я уже:
Фигурко, лягушка в танце,
Девчуркой с косами до пят,
Самой весной
С лучом на пальце,
Дарящей лучезарный взгляд.

Рисунки Владимира ПИМЕНОВА

деве его любимые гениальные симфонии,— и организаторов концерта и исполнителей окончательно убедился в том, как блестяще велики душевые силы нашей молодой смены, как спокойно и ясно поднялись над этими молодыми силами и доверили им. Я не мог не поблагодарить нашу юную группу за то, как она чудесно богаче, умнее и лучше. В беседе на этом концерте я подчеркнул, что В. И. Ленин хотел сделать достоянием всего народа настоящего, большого искусства, образцами которого и прозвучали симфонии двух величайших музыкантов — Бетховена и Чайковского.

И значит ли это, что кто-то хочет отнять у молодежи легкую, развлекательную музыку? Конечно же нет! Всемирный человеческий общественный долг должен учить население шутить, любить подражать, веселиться. И легкая музыка так же естественно может вдохновить на самого серьезного человека. Не надо только забывать, что составляет богатство подлинной музыкальной культуры: развлекательная музыка или большая, величественная, о которой говорил В. И. Ленин.

Индюшки невероятно хотят поставить знак равенства между понятиями «большое искусство» и «большое», то есть крупным по форме произведение. Но это же совсем неверно! Когда мы говорим, например, о музыкальном произведении, мы имеем в виду произведение героя Великой Отечественной войны, воплотивших дух советского народа в военных подвигах. И это произведение обычно называется прежде всего два произведения: монументальную Седьмую (Ленинградскую) симфонию Шостаковича и лаконичнейшую, но поразительную по своей внутренней силе песню А. В. Александрова «Священная война».

Великим может быть лаконичное стихотворение, короткая песня, простой плакат. Но масштабы произведения являются признаком великого искусства, а не наличие в нем ярких красок, ярких чувств.

Изящество — как человек. Наслаждение — как настоящий человеком, если он не способен глубоко мыслить и чувствовать? Никогда! Вы скажете, что это недонаиваем! Так и искусство: если нет в нем глубоких мыслей и чувств — это не настоящее искусство! Это тоже, можно сказать, недонаиваемое искусство! В лучшем случае оно проходит мимо человека, не задев ни сознания, ни сердца, ни душу. А передко оно отравляет человека, портит, изувечивает не только его эстетический вкус, но и все его отношение к людям, к жизни.

Человек, особенно молодой, с еще не окрепшими убеждениями, вкусыми и идеалами, оказывается порой податливым к самым разным влияниям — не только

только хорошим, но и дурным. Начините такого человека развлекать пустячками, но пустячками, щекочущими нервы! Развлеките сегодня, завтра, послезавтра... Отриньте его эстетический мир таким развлечениям, и они будут приносить ему не скорей и скорей. Человек будет требовать только в сложных лабиринтах современной жизни и борьбы.

В заключение статьи я хотел бы напомнить то, о чем говорил В. И. Ленин на III съезде комсомола, когда поставил перед делегатами важнейший и трудный вопрос: «Комсомол, обладающий безграмотностью народа, доставляется нам в наследство от старой Речи Посполитой».

В. И. Ленин сказал, что с этой перенесенной важной задачей можно будет справиться только при условии, если молодежь вслушается за дело, если каждый комсомольец, каждая советская девушка и каждый юноша ощущает его как свое личное дело, как свою личный долг. Вот тогда неграмотность будет победена!

Мне кажется, что сегодня, когда идет речь о всеобщем эстетическом воспитании, слова эти должны всплыть в сознании каждого. Каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы в своем труде, в своем творчестве культуры — это сильнейший рычаг для воспитания высокоразвитых людей, людей с передовым мировоззрением, людей, развитых интеллектуально и духовно.

И наша молодежь, комсомольцы 70-х годов должны взять этот ритор в свои руки. Когда каждый воспримет это как свое личное дело, свой личный долг, свою личную ответственность — перед самим собой и перед людьми, — вот тогда произойдут огромные сдвиги, такие творческие силы раскроются в народе, о которых нам и додадятся сейчас триумф!

Всегда нужно помнить ленинский завет о том, что, не овладев всем культурой Болгарии, не овладев всеми народами, нельзя стать настоящими коммунистами. А ведь искусство — важнейшая составная часть культуры общества.

Когда вы, комсомольцы, беретесь своими руками за любое дело, вы с ним успешно справляйтесь. Возьмитесь же за дело — всеобщее эстетического воспитания, все время памятуя о единстве эстетического воспитания и воспитания нравственного!

И тогда придадут к вам самые отличные, самые светлые успехи, которые помогут нашему общему движению вперед.

ПЕСНЯ ДОЯРКИ

Вы не видали, не видите,
Как пугом, где роса лежит,
Подняв концы цветастой шапки,
Доярка весел бежит!
Вы видите, как сияет
в носу всплетенная роса,
Как в солнце сияет
доярка, гордая, красива.
В своем халатике развязливом,
На ферме девушка видна,
Когда на горизонте дальнем
Еще не выцевла луна.
В эмалевом донце
Струя молочная стучит,
Разбуженный шумом солнце
На девочку ворчит.
Оно никак не успеет
Стать выше соснов и берез,
Пока девушка налевает
И по росе бензин в колхоз,
И лесна дэрзас несется,
Ему покос не дает.
На горе запевает солице,
Чтоб видеть, что это поет.
Лучи, смущающим и ярки
Землю сияющей оно.
Не песне по девушкам-дояркам
Рассвет ускорить суджено!

Перевела с аварского
Юнна МОРИЦ

ВОЛШЕБНИЦЫ

Работникам Ленинградской текстильной фабрики имени Верх Слуцкой

...Как радостно летела я
На школьные занятия:
На мне была мечта моя —
Сatinovos плате!

О, как я счастлива была
Обновой погордиться:
Две руки — как два крыла,
А я сама — как птица.

Не чувствуя тропы кругой
И тяжести кувшина,
Домой спешила я с водой
Вся в радуге сатина.

Казалось, с плеч моих цветы
Стряпты луговые,
И ниспадают с высоты
Ко мне лучи живые.

И звезды на груди моей
Хранят свое синие,
И смотрят тысячи людей
На это одеяние.

Казалось, с завистью глядят
Все на наряд мой яркий:
Лишь у меня такой наряд,
У девочек-варвар!

Не знала я, что сотни рук
Ткнут на машинами,тиами,
Чтобы одеть моих подруг
В далеком Дагестане.

Что в Ленинграде создают
Сверкающее лето,
Что это самый яркий труд
Огромного поэта.

О, сколько рифм и сколько
стroph.
Свершился и скисний!
Но кто же авторы стихов —
Мильонов метров тканы!

О сестры, вас благодарю:
Сказы звонки и метели
Вы к нам приближали зарю,
Нас в радугу одели!

Перевела с аварского
Инна ЛИСЯНСКАЯ

Кто авторы ярчайших книг?
Откуда эти строки,
В которых целый мир возник?

Привольный и широкий?

Нева одета в под сейчас,
На ветках — снега шапки.

Откуда же смыются на нас
Цветы, цветов охапки!

Быть может, я попала в друг
В страну волшебной казаки!
Я винку радугу вокруг,
Пылающие краски!

Иль это кузня, где с утра,
Когда радовав полсвета,
Куют умельцы-мастера
Сверкающее лето!

А лета этого дары,
Сатин, мятка и сиццы,
Приходят в города-дворцы
И к жителям столицы.

**УПРАВЛЯЕМОЕ
МИНОВЕНИЕ**

Николай АКРИТОВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

B

озле автомобиля Олег повернулся ко мне.

— Сколько в тебе ки-
лограммиков?

— Как «кикограм-
мов»? — не понял я.

— Ну, сколько ты весишь?

— В последний раз было семьде-
сят три. А это так ванно?

Олег открыл заднюю дверь. Меж-
ду сиденьями лежали тугие мешочки
с песком. Он отсчитал нескользко
штук «выпадин»...

— Это балласт. Машина загруже-
на строго по норме. Пассажир не
предусмотрен. Вместо балласта буд-
ешь ты.

Очень приятно!

На номерном знаке машины крат-
кая надпись: «Проба». Теперь эки-
паж нашей «пробы» можно разбить
не пасажиром, а активным. Пассажи-
рский коктейль иззвешенные ме-
шочки с песком и я. Активный —
Олег Майдорода.

Ели, клены и берески тесно обсту-
пили широкую асфальтовую
дорогу. С левой стороны к ней при-
жалась «стриальная доска», в сере-
дину втыкались булыжник, шумоиз-
двоители и «белгийские мостовые».
Весь этот комплекс называется спец-
дорогой.

Он размещен на Центральном на-
учно-исследовательском «автолиго-
не» НАМИ. Полигон — этажон для срав-
нения машин разных марок. Было
время, когда ЗИЛ испытывал свои ав-
томобили под Москвой, МАЗ — в Бе-
лоруссии, ГАЗ — в Куйбышеве. При-
мерно. Сравнив прочность и иные
качества было нельзя. Сейчас машины
всех марок испытываются в оди-
наковых условиях. К испытуемым
предъявляются большие требования.

На полигоне созданы условия для
безопасного проведения испытаний.
Но...

По ту сторону стоит пожарная ма-
шина. На подножке сидят пожарники,
покуривают сигареты, а за машиной
втыкались рукоятки шлангов. Рядом
с нами — красный «Москвич». Из
глубины его багажника извлекаются
приборы, провода стягиваются в машине.
Фотостроны будут фиксировать ско-
ростной пробег...

— Давай еще раз проверим дав-
ление в шинах, — подходит к Олегу
Юра Павлов. Он представитель заво-
да и волеется, наверное, больше
всех. Машина предстоит выдержать
серебряное испытание.

В кабине пристегиваемся к сидень-
ям. Штурвал плотно обхватывает голову,
зажимин дергает крепко.

— Готов?

Тихо бормочет двигатель. Мы
ждем, пока давление масла и тем-
пература воды поднимутся до нормы.

Комплекс спеддорог начинается
большой круглой площадкой. Словно
специальный ракурс, Олег то
разко разгоняет машину, то вдруг
бросает ее из стороны в сторону, то
едет медленно, прислушиваясь к го-
лосу двигателя.

Иdealный испытуемый должен
быть отличным водителем, инжене-

«Опрокидывание» — один из видов
испытания машин.

ром-универсалом, к конструктором. Он должен наизубок знать все детали машин, их взаимодействие, обезян вовремя заметить неисправность и сообщить об этом на заводе. От деталей деталей зависит дальнейшая судьба автомобиля. Для полной оценки и доводки он испытывается на различных режимах: от черепашьего шага до предельной скорости, от неспешного разгона до резкого неуспеха машины или опрокидывания.

Олег не соревнуется, не лихач. В самые опасные моменты испытаний Олег часто улыбается. Но эта улыбка не маска, за которой он старается скрыть страх. Это улыбка победителя в казадиинской войне с капризами машины. Она как бы говорит: «Чем больше ты капризишься, тем больше открывешь свои слабости».

Разминка закончена, и мы выруливаем на старт. Контролеры и инженеры уже приготовили аппаратуру, обозначили место для испытаний: разрезанные старые шины высотились в два смешанных коридора, соединенных крутым коленом поворота. Майдорд — заминка перед пропуском.

«Держись!» — истошно вопребла морда машины на управляемость. Тип испытания — «бесцельная преодолевая». Протокол подтверждает, что состояние дороги — сухой асфальт, погода — ясная, температура воздуха — плюс семнадцать, нагрузка — полная.

Олег надевает перчатки. «Чтобы руки не скользили по рулем». Повороты — его стихия. Сама жизнь идет с размахом поворотов.

Отец — специалист автомобилестроения — много ездил по стране, наложив производство почти на всех автозаводах: в Горьком, в Минске... Вместе с ним ездила и семья. После школы Олег поступил в Белорусский политехнический на авторемонтный факультет. Институт он окончил звонко, умея работать в небольших группах. Получив образование автомобилиста, Олег увлекся... авиацией. Основалась в новой отрасли, привыкал, вникал уже во все подробности. А по вечерам рылся в книгах по... автомобильным двигателям. Специализируется по ним и уходит на дорожные испытания автомобилей. Когда занималась инженерия, его заинтересовала проблема устойчивости. Но это все не легкомысленные броски в крайности, не юношеская неуважительность, о желание найти работу, приносящую удовлетворение и пользу. Сейчас он заканчивает диссертацию на тему «Исследование управляемости автомобиля в аварийных режимах движения». В работе читают. Олег не знает, какое будущее ожидает его. И характер, и способ ощущения и характер поведения машины он узнает не со слов водителя, а сам, испытывая различные автомобили.

...Возле «Москвича» взвился красный флагок.

— Пригответься!

— Вперед!

Олег улыбнулся мне: «Держись!» — и начал испытания, нам все должны уступить место.

Первая передача. Стрелка спидометра срывается с места. Разгон. Олег утробует газ, и стрелка замирает на «сорок пять». С этой скоростью входим в обозначенный шириной коридор. Мелькают ограничители. Ближе, ближе поворот. Рядом с ним не безопасное расстояние между машинами. Слышатся приближение и пояс раздражение оператора. Полигонский кинооператор лежит возле самого поворота, держа нас под приемом своего объектива.

Машина мчится по ограждению. И когда кажется, что вот-вот сейчас мы врежемся в них, испытатель успевает бросить взгляд на спидометр (контроль скорости) и резко поворачивает руль.

Вжимает в двери, впиваются в те-

ло руки. В следующее мгновение машина бросает в другую сторону. Машина, лес, люди провалились вниз.

На мгновение рулевое колесо в руках водителя превращается в сплошной вертящийся круг.

И когда мне кажется, что поворот остался позади, правые колеса отрываются от земли. Здесь и начинается борьба с неуправляемостью. Внезапно машина вспыхивает, возникает необходимость таких поворотов, где водитель не может проехать по нужной траектории, слыхается авария. Каждая машина после крутого вынужденного поворота ведет себя по-своему. Одна встает на два колеса, другую «заносит», третью вортица волком.

Задача испытателя — определить пределы движения, при которых водитель теряет контроль над машиной, и узнать поведение автомобиля на границе управляемости.

Машина делает еще несколько попыток уклониться в сторону, успокаивается и пролетает коридор, не зацепив ни одного ограничителя.

Пока прихому в себе, сквозь науки ислама глухо доносятся слова Олега:

— Понимаешь, у этого автомобиля повышенная чувствительность к управлению.

Есть у водителей такой красивый термин: «внедряться в повороты». Не впишешься — влетишь в город в дом или фонарный столб. А здесь... Здесь за рулем сидят инженер-испытатель и водитель. Для того, чтобы потом на этой машине в любой поворот можно было влияться.

Не все, конечно, дороги на полигоне не такие. Разные есть. Скоростное кольцо и «спиральная доска» (иначе — «короткие волны»), идеально ровная динамометрическая дорога, продольный профиль которой воспроизведен в тест-автомобилях. Здесь и дороги, что могут приспособлены шофера в самом жутком сне: ямы, колдобины, грязь, песок. Здесь машины испытываются на предельных режимах.

Люди — нет. Они уже испытаны.

Бетонную дорогу с выступами называют «спиральной доской».

Олег Майборода —
испытатель по при-
зывнику.

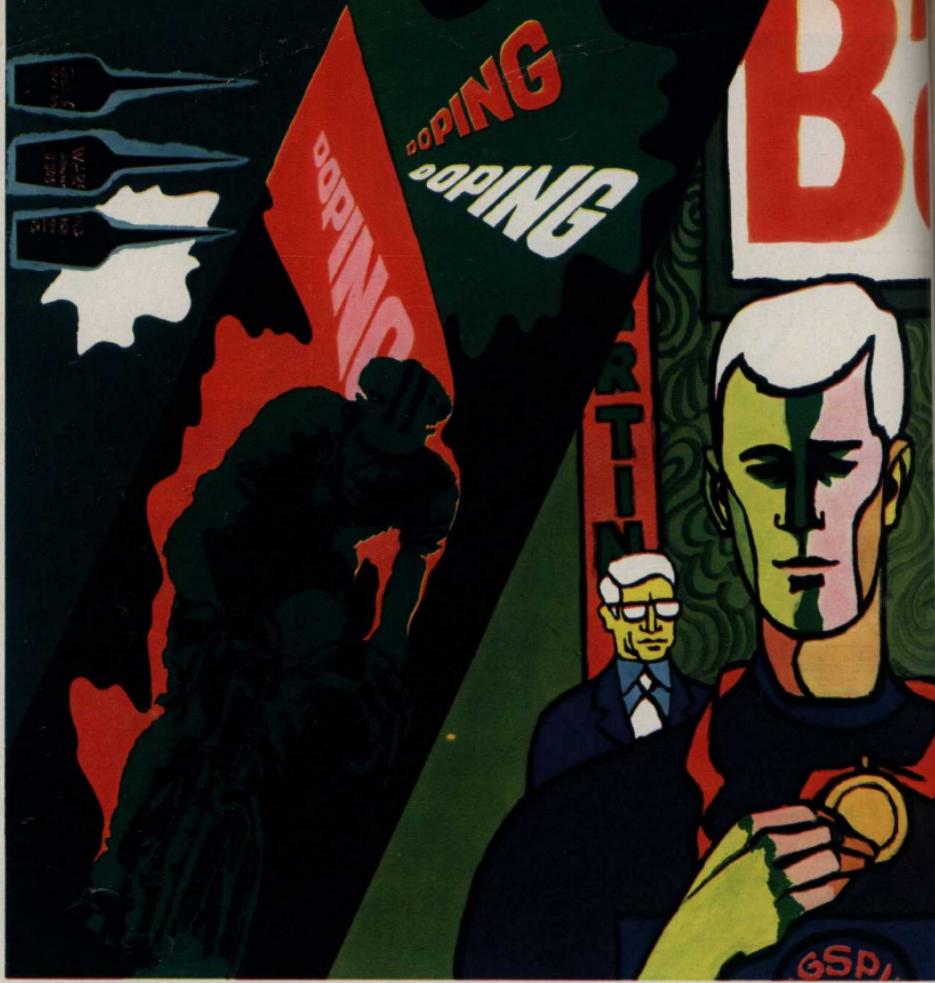
Трек со сменными препятствиями.
На помощь пришел тягач.

Пунктир «коридора».

Инструктаж перед
испытаниями.

ГРЯЗНАЯ МЕДАЛЬ

Анатолий ГОЛУБЕВ

РАССКАЗ

Н лежал на массажном столе, будто покойник,— вытянув руки, закрыл глаза и почти не дыша: не хотелось вдыхать запах воинческого рюмки. Запах раздражал. Он назойливо лез в нос. Запах был чисто спортивным, привычным для каждого, who-рарые увиденной там, за деревьями «массажной», всего лишь минуту назад, когда он понял, что победил... А понял это он в то самое мгновение, как только втормя — он не разобрал даже, кто его соперники,— они вырвались на последнюю прямую. И вскакнул, засыпанный инвестигаторами зрителями, словно сошел с ума, исходя из зверином рева. Его всегда интересовало, что хотят сумасшедшие зеваки от гонщиков в эту последнюю минуту. Скорости! Но ее уже невозможно приблизить. Три секунды воплощают в себе долгие часы надсадной работы на первоклассном асфальте шоссе, они решают все... И чтобы тяжкий изустрах Канц не пошел праком, каждый из реущихся к финишу выпадывает до конца.

Как это было с ними в тот раз...

Они, не сговариваясь, двинулись по прямой, к придуманной ничтожными

людьми условной линии, означающей конец всем мучениям. И они уже не могли прибавить ничего к тому, что сделали. Они разались вперед. Но это лишь казалось зрителям. На самом деле они теряли скорость, сгорая от настраживания. И задача каждого заключалась в том, чтобы скрять чутЬе позже. Продрать горение. Хотя бы на полсекунды...

Так, втроем, они и проскочили финальную линию. И, быть, может, еще никто даже сам не знал, что произошло. Старт был побежден, а Стив знал, что победил он. Для этого Стив не нужен фотографами. Для этого надо лишь прожить всю свою жизнь. Рано погорючий отца. С восемь лет работать в мясной лавке, с утра до позднего вечера развозить по адресам тяжелые корзины с заказами. Надо было отказываться во всем, чтобы скопить начальную плохонюку и перебрать ее до последнего витка собственными руками. Потом скопить деньги на велотуфли. Потом — на турусы с настоящей замшевкой кожей, такой ласковой, такой успокаивающей после сотни-другого километров. И, наконец, надо было выиграть гонки, чтобы в конце концов покорить женщины, до которых, когда будешь в славе, и деньги, и дом, родительскую избушку он пролил, чтобы уехать тренироваться в Швейцарию. Он долго жил в дешевых отелях, в комнатах на четвервых, из которых один обязательно храпел так, что остальные не могли заснуть. И он принимал по две таблетки снотворного. Одну, чтобы не слышать мучительной боли в уставшем теле, от которого рождались хромнические бессонницы, и вторую — чтобы не слышать храна соседа. Опяться многоя лишился тем, что собирали в старом стадионе — оставшимися после уборки поднимавшимися фруктами. Или забиралась в дальний уголок, вспоминая о матери, о ее любви к плодам и к детям, о ее наклонах их, запрещенных, подобно диким грибам, в самой угромной закупке иногородних кустов. Небольшие, покрытые матовой пылью грядки из несколых крупных, словно наполненных сахаром, перевезших ягод. А потом снова в седло... И все это ради сегодняшнего дня. Ради того мгновения, когда она, еще не успев перевалить через заветную линию, уже подняла руки в исполненном приветствии самому себе. А они, смешные зрители, думали, что это он благодарят их за свидания, которыми они встретили гонщики на бульваре!

Потом его смигли с машинами. И долго маяли восстанные жестники, кишиневые руки. Мисс Коллайд поднесла ему огромную, широколиственную ладонь, и он поспешно отступил, чтобы не обидеть ее. И в руках не было сил. Красивый мужчина держал то, что было не нужно, всю жизнь он не мог забыть того, что хотела. Его интересовала она, круглая блока, с бесстыдной ленью развалившаяся на бордюровом бархате. Потом она перешла из коробки в руки мэра. А потом приятной тяжестью повисла у него на шее. Кто-то что-то говорил в его честь. Он же исподволь потянул ее юбки заскорузловыми, скрюченными от долгого дергания за руки пальцами — и не чувствовал металла. Он и не обратил внимания, что сумул торжественному миру для приветственного похождения свою руку мокрой от пота, грязной, синеватой, синеватой перчатке. Потом она перешла из коробки в руки телегородителей, и тут же убралась. Впрочем, от него было ничего и не требовалось. На все вопросы бойко отвечал менеджер, сия своей безотказной ослепительной улыбкой и остроумием подиатрезировал на частых выступлениях комикса. А потом сладостные струи горячего душа. И, наконец, эта спокойная массажистка. И эти пальцы, колющиеся над его телом.

Он лежал на массажном столе, будто покойник — вытянут руки, закрыл глаза и почти не дыша. Он боялся спугнуть видимое предследование горячими. Онился, что зыбково здравствует, что речь о нем бесследно прошла вперед, что это одно невероятное движение.

Перед глазами Стива проподела вереница лиц, заслонивших в минуту триумфа почти весь мир. Амир, который, от победы казалась таким пустым, что он сейчас едва ли бы смог вспомнить лица тех, кто своим дружеским участием помогал ему в трудные минуты. И думал так Стив не оттого, что вдруг забыл все хорошее, сделанное им людьми. Просто было там мало хорошего, что при столкновении с огромной радостью, охватившей его, все эти крохи добра сразу померкли, растворились в торжественной суете праздника.

Странное видел лицо Лое Максильфельда, привидевшееся вторым, его тихую, добрую улыбку. Стive понимал, как Лое этого стола она, его добрая улыбка. Максильфельду представило перезнакомить новый контракт. И победа послужила ему солидным аргументом в разговоре с будущими хозяевами. Но он всегда был добрым парнем, этот Лое. Даже когда прогибался.

Стив видел рядом с собой лицо Грипса — шотландца с бугристыми скулами и вечно склоненным к лию им. Ты ли не отчаянно пытаешься выглядеть как-то странной улыбкой, чтобы не выглядеть глупо? Амир, лицо которого, будто синева, смотрел в сторону побежелевшего вперед, и, казалось, что он расскажет уже воины и ветры в новой гонке, где, может быть, судьба окажется к нему благосклонной. Как всегда, Грипс сразу же после церемонии награждения исчез, даже не поздоравшись Стива. Но тот не обходился на Грипса. Стив, гоняясь с ним уже много лет, знал, что Грипс по натуре далек от сентиментального вроде обийт и опушенцев. Сам не принимает их, когда изредка удается победить в таком-нибудь незначительном критериуме. И раздавал им любят. Но тут ведь не критериумы... Тут чемпионат мира.

Калейдоскопический физиономический спектакль подстерегал какой-то странной улыбкой, будто синева, лицо которого, будто синева, тренера, лица вчера заявлявшего, что чемпионом мира, несомненно, станет его «мальчики». Но мальчик так и не смог выглядеть из «поезда». Правда, в финишном спринте, в котором участвовало человек сорок, он умудрился выскочить на четвертое место. Но это было плохим утешением для его тренера. Оскар Гартнер, в прошлом сам чемпион мира, хорошо знал разницу между четвертым и первым, даже между вторым и первым местом в чемпионате. И дело здесь не только в цифрах, которые можно нарисовать в графике «конором» — это же не конором. Оскар Гартнер, Стив выслушал его и, не смеясь, вернулся к победе и славы, этот Оскар Гартнер. Стив знал, что еще можно назвать поступок, когда Оскар отдал сегодня утром Стиву последнюю ампулу витамина. А перед самым стартом, да еще на антиретарные таблетки, которые особенно рекомендованы Стиву главным врачом гонок.

Витамины Стив проглотил мыль за тридцать до финиша, когда, казалось, вот-вот отстал от лидирующей группы. Он уже и так пропустил несколько очередей в лидерской проповеди, и соперники грозили ему кулаками и тряслись работы. Впрочем, это обычное дело — скандалы в головке «поездки».

И вот тогда, отсиживаясь сзади, он проглотил содержимое ампулы. Буквально через минуту почувствовал себя бодрее. Тогда ему показалось, что витамины произвели скорее психологическое воздействие. Наверно, потому что простой воды из фляги, и тоже почувствовал бы себя лучше. Но фляги была полна...

Руки массажистки тем временем вились в опушке, на которой лежал Стив. Старт был предложен в зале, где стоял герб города. Жесткие пальцы с двумя сторонами проникали под коленную чашечку, с каждым движением Стива казалось, что они уходят внутрь колена все глубже и глубже. Но с каждым движением и боль от давления пальцев становилась все тупее и тупее. И, наконец, когда обмыкание руки опустили колено на прохладную простынь масажного стола, Стив почувствовал, что колено совершенно не идет, в нем ощущалась какая-то чистота, словно все стало на своем месте. Оно работало эластично, как механизм часов, промытый в бензиновом растворе электрическим вертлюгом старого часовщика.

Затем Стив услышал, что не слышал, как к ступле подошел комиссар, синий, ненавязчивый, сухой членечек с азтичным голосом, который, многократно усиленный динамиками, неизменно заставлял шарахаться в сторону плода каждый раз, когда в тылу гонки он забирался за двойную белую линию, разделевшую щечки.

— Стив, — участливо произнес комиссар, положив руку плечо массажиста, будто предлагая тому погреться с пока нечужой работой, — я не мог найти вашего менеджера и потому побеспокоил вас. Еще окончательно ничего не известно, но главный врач гонки сделал представление: у вас не все в порядке.

Степан лежал и синул взглядом на комиссара и продолжал ульбаться своим мыслям. Слова комиссара никак не доходили до его сознания, и он даже машинально переспросил:

— Ну и что?

— Но потом быстро сел на стол.

— Это не окончательно, — повторил комиссар. — Контрольное исследование невозможно сделать в условиях передвижной лаборатории. И ваш анализ отправлен в Главный госпиталь. Через час придет ответ...

Комиссар, синий, сухой членечек, с азтичным голосом, повернулся к выходу, чтобы пройти в туалет. Тот ехал и направился к двери.

Степан медленно поднял глаза и уставился на Арнота. Если бы это был весть присти, кто-нибудь другой, а не комиссар, он бы синул ее дурной шуткой. И, возможно, кулачками отбил на оскорблении. Но комиссар был известен среди гонщиками как удивительно честный и добир человек. Он становился лытим зверем лишь на трассе, когда, увлеченные спортивной борьбой, некоторые гонщики начинали на повторах вырываться за двойную белую осевую линию, разграничивающую две стороны уличного движения. Собственно, своей злостью он пытается сохранить лическ низин — в попытке оторваться от сорникообразной ценой они присоединились под самым носом у тяжелых встречных грузовиков.

Ладыши? — спросил Стив, так, до конца и не поняв смыслы сказанных комиссаром слов.

Тот покачал головой и присел на край массажного стола. Он взял пузирек растирки и вылил несколько капель на свою маленьенькую ладонь. Потом здумчиво растирал из другой старческой ладошки. Смрадный зеленый растирки ударили ему в нос. От поморщенья. Но Стив не почувствовал неприятного запаха.

Слушай, Стив. Это не мое дело — вмешиваться в компетенцию врачей. Ты знаешь, у комиссара гонки хватает своих хлопот. Но я все же хотел бы задать тебе один вопрос. Только отвечай честно. Ты принял стимулятор во время гонки?

Стив молчал. Он никак не мог вспомнить, как выглядел те три ампулы, содержимое которых он проглотил на дистанции. Вместо первого вставала злодарная усмешка швейцарского тренера. Вместо второго — непроницаемые лица Гривса. Вместо третьей — плутоватая рожа бирмингемского аптекаря, к которому он обратился по рекомендации одного из своих старых друзей. Он взял из пузирка еще одну ампулу. И потратил на них все свои свободные минуты. Он глотал сладковатую жидкость, но никогда не возникало подозрений. Потом именно сегодня?

Легкая испарина выступила на губу Стива. Он подумал, что, будучи не в форме, ни разу не выигрывал гонок, и ампулы помогали ему лишь продержаться в «поездке». А следовательно, каждый раз он благополучно миновал долгий контроль. Значит, он, с таким трудом выигрывал гонки, каждый раз вот так мог оказаться лицом к лицу...

Стив вытер тыльной стороной ладони лоб и потом вытер руку о крахмальную простыню массажного стола.

Комиссар, синий, сухой членечек, с азтичным голосом, казалось, что шелестом щетинки даже застолья склемками слишком большими для лица логотипов очков.

Но ведь,minster Арнот, каждый гонщик что-нибудь пьет... Вы же знаете... Я всегда честно... Вы же меня знаете. Я никогда не стремился победить то бы то не стало, как некоторые. Вы же знаете меня столько лет. Я всегда честно...

Степан медленно сполз со стола. И закачался на неверных ногах. Ноги не слушались то ли оттого, что не был закончен массаж, то ли от страха, вызванного сообщением комиссара.

— Конечно, Стив. Но надо было осторожны. Ты слишком плохо разбиравшись в фармакологии. Сейчас надеялиго стеноандровых, что не всякий химик может сказать с уверенностью, где разрешены допинги. Он глотал сладковатую жидкость, но никогда не возникало подозрений. Степан заснул, затянувшись.

И от этого жеста руки пузирка сползли по тонкой руке, обнажив на запястье знаменитый хронограф комиссара. По нему он так часто давал спаски гонщикам, от усталости совершенно утративший контроль над временем.

— Особенные осторожности надо в нации дни выбирать советников, когда дело касается лекарств... Кто тебе советовал его купить?

— «Его» — это просто укладывалось в голове Стива. Почему «его»? Ведь правильно спросить — «кто?». Первый мысленным взором Стива вновь всплыли три лица. Стив сразу понял, что отныне перед ним встает новая проблема: решить, кто же это?

Стим отвел взгляд и глухо сказал:

— никто не советовал. Я сам выбрал в какой-то бирмингемской аптеке несколько таблеток глюкозы.

Мистер Арнот понимающе кинул головой.

— Ты же знаешь, Стив, я должен был задать такой вопрос. Но раз ты это сделала сама и я тоже не принимал только глупозу... Хорошо. Было бы жаль контрольного анализа. Хотя, честно говоря, шансов на благополучный исход очень мало... Понти нет. Ты сделала ошибку большую ошибку, Стив. Может быть, самую большую ошибку в твоей жизни. Или... Или тебе очень подло предали, Стив...

Фирменный галстук с змейкой гонки сбился со стороны — он всегда был сбит со стороны, это было аккуратного до пунктуальности человека. И мистер Арют, словно ему было душно, поправил галстук привычным движением.

— Все уходит к допингу! — склонила голову Стив.

— Честно. Так.

— Но это значит... Стив подняла руку, в которой была захвата золотая медаль с пурпурной лентой, белезненно висевшая вдоль ноги. — она не моя!

Мистер Арют смотрел на парня, которого горе старико на глазах, на парня, который, даже лежа на массивном стole, не расставался с заветным куском металла, доставшимся ему такой дорогой ценой. Медаль, даже после того, как он завоевал ее, продолжала испытывать гонщики на прочность.

Темные полуторы под глазами Стив, казалось, простили только сейчас. Лихорадочный румянец нервного возбуждения потух, будто на мышь дунул сквозной ветер.

Мистер Арют помедлил с ответом.

— До того, как придать окончательный анализ, она еще твоя, парень.

Когда дверь массажной заклокотала за ними, Стив вдруг с ужасом подумал, что ему предстоит самое страшное — вот так же, как комиссар, выйти из массажной в общий зал. Устроители гонки в целях экономии средств разместили команды в огромном зале общепитка духовного колледжа. Кровати стояли в зале то вечно одна к другой, как будто даже этим должны были воспитывать у будущих пасторов единство мнений и общую верность господу Богу. Столы подились к столу и изобразили из них и ногами, и головами. Нет, не я, Я не склонялся в этот зал. Вероятно сразу уставался на меня. Уставался, как на врача, уверенного в них побед и эти... — он поднял к лицу ладонь с желтым краем, ставши сразу же холодным и бесполезным, — вот эту медаль...»

Дверь скрипнула там громко, как никогда не скрипела дверь даже в его старом родительском домике. Стив вздрогнул и склонил ладонь, отвел руку за спину, словно пытаясь спасти ее, спрятать от пощадившего.

Вошел массажист. Не говоря ни слова, он приблизился к стулу и тяжелым жестом положил Стиву на стул будущий победитель чемпионского вскорианства. Наклонившись, он вновь начал колодить под талом Стив. Но теперь, когда присоединение его рук обнаруживалось для Стива движениками пальца: пассы не только не приносили облегчения измученным мышцам — они, наоборот, усиливали боль. И она, выросшая до нестерпимого внутреннего жара, охватила все тело. Стив глухо застонал. Массажист с удивлением посмотрел на него. Что никогда не случалось раньше — ослабил нажим. Это было удивительно, это было выше всяких сил. Но Стив стерпел. Как ни мучительны казались эти минуты, неизбежность выхода в большой зал была еще страшнее. И он, молнией быстрее, чтобы массажная пытка продолжалась как можно дольше, бросил взгляд на стоящую состоянную Стиву, работал медленно и долго, пока в комнате никто не заглянул — давно уже пришло время ложиться на стол следующему гонщику.

— Осталь... — Стив отстригли руки массажиста и сел на стол. — Спасибо, Мак. Мне это уже теплер ни к чему...

— Да-да, Стив, все обойдется... — без всякой уверенности в голосе сказала массажист. Он был честным парнем, это тот массажист, и честным было само его неблагодарное ремесло.

Дверь осталась — нет, не дверь, Стив хотелось не растянуть на целую вечность. Но дверь не слышала, не видела, все равно это проворство пройти. Эти мысли неизменно придавали Стиву силы, и он, открыл дверь, шагнул в зал. И первы сразу же сдали. Единственное, что он мог себе позволить — закрыть на мгновение глаза, как перед погружением в мутную морскую воду.

Слухом, а не зрением ощущая на впечатление, которое произвел его выход в общий зал. Приглушенный говор разом смолк, и только два взъятых голоса на незнакомом языке что-то продолжали кричать в абсолютной тишине.

Когда Стив открыл глаза, он увидел двух молодых белгийцев, стоявших голями на соседних кроватях и колотивших друг друга большими белыми подушками.

Все смотрели на него. Кто открыто, кто из-за синяков кровати, кто полуотвернувшись, кто скосил глаза...

— Где я? — Стив спрятал в кулак и ленту от медали... — подумал Стив, словно спасая строку прокляти под этими взглядами. Он добрался до своей постели и лег, сунув кулак с медалью под подушку, чтобы никто не увидел, что в нем лежало.

«А может, все обойдется?» — Эти мысли заставили его сгорнуться. Но только на мгновение... Чудес не бывает! Не могли же они взять с постолы результаты первой проверки. Хотя, впрочем, случалось, что и первоначальный анализ... — Но Стив тут же отогнал от себя эту мысль, потому что такое случалось — и он знал это лучше, чем кто-либо... — на заре введения допингового контроля. Теперь, когда медицинская машина была четко отложена, ему не приходило спешить об ошибках. Даже в пустой болтовне, сопровождающей каждую гонку.

Стив не мог сказать, сколько он пролежал, утихнувшись лицом в подушку, прислушиваясь к гулу огромного зала и по звуку пытаясь определить происходящее.

Он даже не шевельнулся, почувствовал, что-то сел рядом на его кровати. И Стив, когда стало уже невозможno больше делать вид, что он не слышит подошедшего, Стив открыл глаза и повернулся. Или повернулась, а потом открыла глаза. На кровати сидел Грис. Лицо его выглядело бесстрастным и серым, как обычно. Только зрачки лихорадочно светились.

— Стив, ты хочешь, чтобы я пошел и потребовал сделать тебе дополнительный допинговый анализ?

Грис спросил так, Но Стив показалось, что он прокричал на весь зал.

Стив поднял голову.

— Нет, тебе... тебе...

Грис, словно это был пустынный, ничего не значащий ни для кого из них разговор, встал и пошел к своей кровати. Он шел твердой походкой убежденного в своей правоте человека, и Стив, проводивший его долгим взглядом, все никак не мог понять, зачем Грису понадобилась эта комедия. Неужели он думал, что Стив может его подозревать?.. А почему бы нет? Ведь кто-то

его обманул, кто-то предал! Если не Грис, то тренер швейцарца, если не тот, кто бернинианский антикарьи. Кто-то ведь его предал!

Он вдруг с особый силой ощущая свою значимость этого слова спрятал. Предал, когда он вел чистую борьбу, когда спазмы раздирили мышцы на отдельные волокна, когда пустой джокинг прижал к позывочному столбу и не давал телу раскачиваться в такт движению ног...

Да, но ведь вся гонка думает, что предатель он, Стив, человек, затягивающий проклятие в рай по легкой дорожке, в то время как остальные честно борются за победу. Они ведь вправе и спросить его, почему он так сделал?

Стив не знал, каким образом можно понять, кто его предал — они его или он всех? Он должен это понять, потому прежде всего ради самого себя.

Стив встал, накинул на плечи тренировочную куртку и вышел из зала. Ниже не окликнули, никто не обратил внимания на его уход, словно он вообще перестал существовать.

Стив заглянул в гардероб, расположенные за домом в длинном, мрачном бараке.

— Где ваш босс? — спросил Стив у маленького смеющегося швейцарца, который смеялся, даже когда из-за судорог не мог продолжать гонку и, вывалившись из пледа, кричал всем «Доброго пути».

Смех прекратился, и швейцарец сказал на плохом английском языке:

— В баре. Как всегда...

Стив вышел на улицу. Свежий ветер с моря докинул такое свежестью, что воздух в зале показался ему концертом всех мышц вышибаемой мышцы.

Стив перешел дорогу и направился к ярко освещенному подъезду отеля «Бристоль», в котором разместился штаб гонки. Навстречу емушли люди, шутили, говорили о погоде, о деньгах, о любви. Стив был благодарен, что никто из них не произнес слова «допинг». Только когда он вошел в фойе отеля, чай-ченок, сидевший за спиной Стива, его отца, его фамилии, сказал: «Добрый вечер, Стив. Сядте, поговорим». И Стив, не пытаясь у一闪нуть от стыда, сел. В баре отображенное Стивом разбежалось в десятках настенных зеркал, и даже в полумраке бара было заметно, насколько он покраснев.

Оскар сидел в одиночестве, хотя перед ним стоял два бокала пива. Стив молча направился к нему и сел рядом со столом. Оскар про должал сидеть.

— Знаете ли вы природу, Стив. Сядьте. Это тепло пива.

Стив сел в кресло и отгадал. Зал был полон теми, кто всегда сопровождал любую гонку, подобно рыбкам-спутникам: механики, судьи на финише и старта, официальные представители, ответственные за размещение гонников и разметку трассы, водители машин обслуживания и просто фотографы. Стив, сидя за головой Стива, сидел один. Но пытаясь у一闪нуть от стыда, Стив всплынуло из памяти, что в эту минуту его лицо вспыхнуло от стыда. В баре отображенное Стивом разбежалось в десятках настенных зеркал, и даже в полумраке бара было заметно, насколько он покраснев.

— Оскар, — сказал Стив.

Стив сидел в кресле и отгадал. Это тепло пива.

— Знаете ли вы, что это придает Стиву, Оскар? — спросил Стив. — Это тепло пива.

Оскар вопросительно посмотрел на Стива и усмехнулся. Усмешка Оскара и это все безразличие обитателей бара к нему, к членчику миры, все эти лица, расплывавшиеся то ли от табачного дыма, катавшегося клубами над столиками, то ли от предложенного Оскаром пива, которое он выпил один запломбировано, окончательно вывел Стива из себя. Он громко стукнул бокалом по столу.

— Должен тебе оторгнуть, — сказал Оскар. — В ампуле было лишь то, что я тебе давал, добром, сердечном, чистом, чистом, чистом.

— Я ждал и этого вопроса. Мне нечего тебе это доказывать, поскольку у меня была лишь одна ампула. И я отдал ее тебе. Если бы их было две — доказать ничего не стоило... Ты придумал еще что-нибудь?

— Лишнее, Оскар! — Стив синул зубы. Он никогда бы в жизни не подал, что может сказать такие слова своему кумиру, чей портрет долгие годы заменял ему распластинки... Но он припомнит это слова.

Оскар вздохнул.

— Я знаю, что вы сказали и это. Я знаю все, что ты ставишь и потому, Просите, думают, что ты скользкий парень, и тебе надо помочь. А ты тряпки, обиваные какой-то чистотой, которая, столкнувшись с первой же трудностью, расплываются вином. Впрочем, мне наплевать, что ты собираешься делать. Ты можешь поднять дыши... Но никто не поверит ни одному твоему слову. Это выглядит слишком неправдоподобным: Оскар Гартнер, двухкратный чемпион мира, один из лучших и честнейших гонщиков планеты, да ампулу конкуренту твоих мальчиков!

Мало того поверишь, что я вообще тебе дал ампулу. А тебе дал ампулу, на первая золотая медаль чемпионата мира...

— Вы же, — это я, — вы все любите, — это повторил Стив, словно в признании Оскара замечалось его спасение и словно признание Оскара что-либо могло твоим клиентам...

— Перстами орлы или катись к чертовой матери — тихо, с налитыми кровью глазами, синистрыми шапотом произнес Оскар. Но потом взял ампулу в руки. — Я видел больше тыла. И видел не такое. Приме вводим этот проглатываемый антикарьи. Ты еще бегал пошатком под стол, когда я, членчики мира, выступали один против всех этой сырьи дельцов — от медицин, заставлявших нас, будь скотов, скотов, мочиться у всех в виду в тесной комнатах. Меня никто не поддергал. Газеты поднимали тему, что Оскар Гартнер борится честно, что он не подделывает. Но никто не поверил. А ты, Стив, знал, что я, членчики мира, даже в кадре, во время гонки. Когда весь «показ» будет висеть, подобно барабанам в пятн минутах сзади, они ничего не найдут у Гартнера.

Оскар поднял к потолку два пальца, и через мгновение барабаны висели перед ним два свежих пыщущих пени бокала со светлым пивом.

Стив отодвинул свой бокал. И руки, не занятые делом, оказались такими липкими, таким чужими, что он поспешил упратить их под стол. Стив сидел, наливавшийся грудью на жесткое ребро стола, и смотрел на Оскара. Он не видел, что Оскар Гартнер, один из лучших гонщиков планеты, сидел на краю кресла. А видел он, что Оскар Гартнер, один из лучших гонщиков планеты, сидел на краю кресла, и сейчас занявшимся на контролный допинговый пункт.

Я не на тех олкоспортивных жужек, которые любыми средствами ходят прорваться к большим деньгам. Я шел к ним сквозь собственные кровь и пот. Я никогда не закладывал свою милю за пять франков, за один франк, лишь бы сорвать куш. Весь мир знает, какой ценой я заплатил за свою милю.

Оскар Гартнер — это не продается. Понял, ты, щенок! Если ты не понял сейчас и тебе удастся выплыть из этой грязной истории и стать большим гон-

щиком, во что я теперь верю гораздо меньше, и у тебя будет хоть вполовину столь же славное имя, как Оскар Гартнер,—ты меня поймешь. Так вот, слушай: я даю тебе слово Оскара Гартнера, что это была добрая ампутация. Все. А теперь проваливай отсюда и ищи подонка где-нибудь в другом месте...

Стив поднялся. Не то чтобы он поверил Гартнеру. Он слышал и не такие истории, когда дело касалось денег. А что дело касается больших денег, он и слышать не мог.

Сейчас Стив просто понял, что что-то доберется от Гартнера признания. По сути дела, оно ему не могло помочь. И Стив вдруг стало мутновато стыдно, словно его уличили не только в допинговом обмане, но еще в большей подлости — в подлости подозревать другого человека...

Стив уже сделал первый шаг от стола, когда за спиной вновь раздался склонивший голову на стол.

— Постой...

Стив обернулся и увидел за столом другого Гартнера. Он словно и не пил. И словно он не говорил с ним минуту назад так зло и в конечном счете справедливо. Гартнер кивнул головой на стол.

— Садитесь вместе ждать результата контрольной проверки...

Стив покорно сел.

— Это бессмыслиценно. Я принимал еще две ампуты...

— Где ты их взял?

— Одну да Гривс...

Легкая тема недовольства пробежала по лицу Гартнера.

— Исключено. Кто дал третьей?

— Третью я купил несколько недель назад у одного бирмингемского аптекаря. Он клялся, что это — первоклассное итальянское средство...

Стив покраснел, словно вспыхнул, и с трудом выдавил из себя: «Да, мое дело со сбитой лентой». Он постарался как можно аккуратнее положить ее перед Оскаром, но она громко, слишком громко ударила о дерево. Стив покурился, что весь барабанчик у него уже не висовало. Но дуне стало не только пусто, но и легко. Он посмотрел на Оскара извиняющимся взглядом и попытался улыбнуться. Оскар улыбнулся в ответ.

— Вот так-то лучше, Стив. Не унывай. Твой настоящая медаль еще спереди. А теперь слушай меня внимательно. Ты не принимал никаких допингов.

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

Красота родной земли

«Смена» № 23, 1969 г. и № 4, 1970 г.

Нужно ли мне, жителю города на красавице Каме, говорить о том, что прекрасный очерк В. Астафьева вызвал огромный интерес, трепетное волнение и, не скрою, гордость за свой прокрасный край. Полны неизъяснимой прелести чисто напоминающие древние времена пейзажи, душу бушующие народных песен и погонь русских рек цветные фотографии В. Мишина, которые так удачно дополняют текст.

Места Западного Урала, о которых идет речь в очерке, мне знакомы, я бывал там с великим удовольствием и раз, и, опареный ми землей красотой, думал о себе: «Боже мой, я горжусь тем, что родился на земле, которая имеет такое величие! И как всем нам надо по-сознанию беречь эту землю, Родину нашу, и делать все возможное, чтобы приумножить ее благородства, данные нам щедрой природой и созданные светлым умом народных золотыми его руками».

Простой и сердечный, взволнованный и живущий рассказ «На Каме» заставляет читателя смеяться и снова размышлять о прошлом, настороже и будущем родной земли. Я где-то читал: «Кто любит и бережет природу, тот любит и бережет Родину свою». Не грех эту мысль повторять, почаще.

К. КОРОЛЕВ,

преподаватель ПГУ № 3, г. Пермь.

У меня есть друг, он также белок. Но он сидел целиком выдорбован, чтобы пешком дойти до Кийской. Его манят, его подстегивают привычно пахнущие паруса Преображенского храма. Для него это Храм Надежды. Славись вам за прекрасный фотоочерк «Зимний силуэт Кийской».

Г. ЧЕРЕШЕВИЧ,
г. Иркутск.

Знание истории своей Отчизны и родного края воспитывает в человеке чувство гражданственности, ответ-

Понял? Ты не знаешь, откуда взялись бензодроповые. Понял? Ты выступал честно. Конечно, отрицаешь все, ты не веришь себе титул чемпиона мира и золотой кружок. Но тебе не дисквалифицируют позиженно. Понял?

По мере того как говорил Оскар, Стив все более решительно кивал головой.

— Ты не избежишь наказания. На первый случай это обойдется тебе в три месяца дисквалификации или пятисот фунтов штрафного. В тюрему ты не пойдешь, поскольку это будет тебе целый сезон. Ты заплатишь пятсот фунтов... Да, я знаю, что из-за тебя нет... Ты возьмешь из у меня... Отдам, когда получишь деньги по первому профессиональному контракту или когда вообще захочешь отдать... Понял?

— Да, Оскар, — тихо сказал Стив.— И простите меня... И спасибо. Но прошу вас, отнесите сами мою медаль комиссару. Мне трудно это сделать. По крайней мере сегодня...

— Хорошо, я отнесу. Но позор еще не ушел. И до финиша есть время... Оскар допил свое пиво и принялася за бокал Стива, который впервые оглаждался вокруг открытого.

Комиссар сидел на высоком табурете и смотрел то на свои часы, то на бокалы, то на цветные бутылки вин на задней стенке бара. Стив взглянул на сидевших за соседней столиком. Немецкий парень ободряюще подмигнул. Второй махнул рукой: дескать, четверт с ним, все еще исправлять. Третий, старик, показал большой палец, и губы его произнесли: «Стив было сущим словом: «Отлично, парень!»

«Наверно, он еще ничего не знает о допинге. Иначе бы показывали больших пальцев первенствующим киану. И подделены!»

Стив совсем успокоился, однако вздрогнул, когда в дверях бара, словно на ходулях, появилась высокая и худая фигура главного врача. Он подошел к комиссару и, наклонившись, начал что-то говорить на ухо. Комиссар обернулся к Стиву и улыбнулся.

Принеся чашу Стив смог помянуть смысл этой улыбки, он вновь услышал спокойный голос Оскара:

— Возьмите свою кружку. Она чистая. Эти медицинские олухи опять что-то напутали. А жаль, мне так хотелось дать тебе в долг...

Оскар отвернулся от Стыва, к которому уже шли, улыбаясь, и комиссар и доктор.

Оскар поднял один палец. И, прежде чем и к столику пробрался комиссар, бармен поставил перед Гартнером новый бокал с пивом...

стечности за ее прошлое, насточущее и будущее.

Мой родной город Великий Устюг имеет славную, более чем 800-летнюю историю — ведь он ровесник Екатеринбурга! Город, в котором родились многие земляки-рассадчики: Василий Поярков, Семена Деникина, Владимира Атласова, Ерофея Хабарова, Василия Шилова. Их имена увековечены в десятках географических названий на карте нашей Родины. Думается, стоит поднять вопрос об увековечении их памяти и на их родине.

В небольшой бересковой роще, что находится за городским кладбищем на берегу реки Сулыны, стоят две сиротские могилы. В одной из них похоронен Павлик Федорович Виноградов, рабочий Сестрорецкого оружейного завода, участник Октябрьского вооруженного восстания, заместитель председателя Архангельского губисполкома, который в 1918 году был расстрелян. И в другой, тоже на берегу Сулыны, стоит могила Сергея Данилова, рабочего, организатора обороны Котласа от англичан, кианских ингерманландцев и германских погиб в бою. В другой могиле похоронен революционер Павел Покровский, о его деятельности известно мало. Кстати, пионеры Великого Устюга, юные следопыты, могли бы постаратся узнать побольше о человеке, чье именем названа одна из улиц города.

В городе сохранились прекрасные архитектурные памятники старины, среди которых заслуживает внимания в своем архитектурном решении храм святого архиепископа И. Б. Ставрова, который вместе с Бамбенковым и Казаковым считается основателем русской национальной школы в классической архитектуре XVIII века. Мне думается, что Великий Устюг, один из древнейших городов России, должен быть включен в список городов-музеев наряду с Суздалем, Ростовом, Великим Устюгом. До сих пор сохранились в Великом Устюге народные промыслы: чернение по серебру, резьба по бересте. А какие там делали изразцы!

Говорят, что сейчас строят железнодорожную дорогу от Котласа, но послушайте старого установления: туда лучше ехать пароходом от Вологды — пеизаж там неповторимый!

Н. ЗЛОБИН,

г. Еманжелинск, Челябинской обл.

Расскажите о Зеканавье! Это моя родина. Особенно я хотела бы увидеть Кировобад, мой милый, родной город, который сейчас так далеко от меня.

А. ХАРАБАЗДЕ,
Ирикутская обл.

Ред. Открыть читателю красоту Родины, вместе с ним еще раз вдуматься и почувствовать ее непреходящие ценности, вызвать желание беречь ее, уважать ее, заботиться о ней — такова цель нашей рубрики «Красота родной земли». Не скажу в жизни приходилось много путешествовать, а знать свою землю, свою Родину хочет каждый.

Читатели просят рассказать об озерах Байкале, о Красноярских стоябах, о таежных лесах, о северной реке Онеге, об Иркутском крае... Редакция постарается в своих публикациях помнить читателей.

Очень потон читательских писем вызывают материалы, затрагивающие какую-нибудь волнующую проблему, когда можно послушать, отстать свою точку зрения. А тут — материал не спорный, не проблемный. И все-таки мы получаем огрызки комментариев читателей. Фотографии, рассказы о Революции, спасавшие израсходованы красоты уголков советской земли, далеких и близких, «Смена» всегда будет уделять большое внимание. Фотографий и словом мы как бы приближаем к вам реки, горы, леса, места, преображеные трудом человека. Конечно, удовлетворить все честолюбивые заявки, рассказать обо всех достопримечательностях пятнадцати союзных республик будет сложно. И все-таки редакция постарается откликнуться на эти заявки.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТРУД И ЛИЧНОСТЬ

ТРЕБУЮТСЯ РАБОЧИЕ!

Об этом настойчиво напоминают щиты объявленияй горстравки.

Об этом сообщают радио, телевидение, газеты. Требуются токари и штукатуры, опытные кавалеристы и подсобные рабочие, шахтеры, маляры, грунтовщики, строители, монтажники и машинисты подземных электроподъёмов...

Нельзя точно определить убытки, которые несет наше хозяйство из-за недостатка рабочих рук. Но убытки эти несомнены. Они заставляют искать способ ликвидировать дефицит рабочей силы. Тем более что есть скрытые резервы. Одни из них — снижение текучести кадров. Подсчитано, что 50—70 процентов текущих кадров уходит из производственных коллективов из-за увольнения из-за болезни, отсутствия места, когда покидают работу по собственному желанию либо уходят в администрацию за нарушением трудовой дисциплины. Переименование этих двух категорий и принятие текучестью рабочих силы. Но подсчитаны работниками Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР, ежегодно во всех отраслях промышленности и сельском хозяйстве по собственному желанию уходит из производственных коллективов 10 миллионов человек. При этом в среднем каждый менопозиционный место работы теряет на поиски нового 23—25 дней.

Но это еще не все. Ленинградские социологи утверждают, что, на новой работе даже по прежней профессии, выработка в первый месяц на 25—30 процентов, второй месяц — на 10 и в третий — на 3—5 процентов. Это означает потерю времени. Более того, считают, что производительность труда работника, «вышедшего» на увольнение, резко падает и в последнем месяце перед уходом со старого предприятия примерно равна той, которой он достигает в первый месяц на новом. Так что к тем начисто потерянным 23—25 дням, что уходят на трудоустройство, нужно добавить примерно столько же дней, что теряются при адаптации на новом месте и снижение производительности труда.

И это если работник не меняет специальности. На самом деле, по данным тех же ленинградцев, 45 процентов уволенных ее меняет. Значит, уплачиваются потери от снижения производительности труда, значит, возрастают расходы на переучивание кадров новой профессии.

Потери общества от текучести кадров огромны. По самым скромным подсчетам, около 500 миллиардов рублей год.

Давно немало, и понятны усилия хозяйственников, экономистов, социологов, пытающихся найти средства, снижающие текучесть. Поиски окунуться в стирке.

Наиболее показательен в этом отношении Ленинград. Тут раньше других начали фундаментально исследовать проблему.

Мы искали, иначе формулируя проблему текучести кадров, мне Александр Павлович Соловьев, начальник управления по использованию трудовых ресурсов при Леноблсполкоме: «...Мы боремся не за текучестью кадров, а за их стабильность и устойчивость. Собственно говоря, текучесть и стабильность — две противоположные стороны одного и того же явления. Но исходя из сути нашей работы, правильнее говорить «борьба за стабильность».

Некоторые рабочих рук в Ленинграде составляет несколько десятков тысяч человек. Правда, цифра эта в зависимости от разных причин в течение года колеблется. Но тем не менее головной на рабочие руки в общем-то ощущается постоянно. Но мы считаем, что рост производительности труда, технический прогресс и упорядочение процессов найма и увольнения помогут компенсировать его, считают островерхие.

Но ведь в каждом районе Ленинграда и некоторые городах области вами созданы специальные бюро по трудоустройству и информации. Если хотите, это как раз одно из средств стабилизации кадров.

Бюро по трудоустройству Московского района. Штат невелик: старший инспектор Антонина Михайловна Жукова и инспектор Петр Андреевич

Юшков. Старший экономист Григорий Ефимович Недорезов, работающий в этой же комитете, прямого отношения к бюро по трудоустройству не имеет: он работник огнегвардии. Но часто просыбь и вопросы посетителей там запутаны и сложны, что распутывать им приходится всем трем. Пока одна бесседует с посетителем, другая друга зовут по телефону на подпредное предприятие, выясняют детский вопрос, который хотел бы уточнить клиент.

Изак, кто же главный посетитель бюро?

40 процентов составляют «легуны» [те, кто в течение года два раза и более увольнялся с работы по собственному желанию] и нарушители трудовой дисциплины. В Ленинграде решена по-своему борьба с демографической проблемой: предпринимаются попытки ввести вую работу только для пропавших без вести, выданы районными бюро по трудоустройству приказы. При этом варшателей трудовой дисциплины является направление на подсобные, неklassифицированные физические работы сроком не более трех месяцев. Профессии, специальность и разряд работника в таких случаях не учитываются. «Легуны» могут направить и по их специальности, но с оплатой не более той суммы, которую получают они на последнем месте работы, без повышения или разряда ни разницы в категории в течение одиннадцати лет.

Так что, с одной стороны, отпадает стигма «легуна», — «удаленный рубль». С другой — нарушитель трудовой дисциплины расплачивается за свои «художественные» месяцы тяжелым трулом. И ни один начальник отдела кадров не имеет права нарушить это положение и принять на работу членов «легунов», записанных в трудовой книжке. За этим строго следят.

«Легуны» или прогулщики не смогут пересидеть некоторое время дома, не трудоустроившись. Об увольнении этой категории лиц предприятие сообщает по месту жительства. А там стараются, чтобы уволенные как можно быстрее поступали на работу.

Высокий процент этой категории посетителей обманывает в том, что ВСЕ нарушители в «легуты» должны пройти через бюро. А из этого увольняются по собственному желанию или скрываются вновь поступающих на работу только некачественной частью (при примерно пять — десять процентов) приходится судя за направлением. Так что нарушителей и «легунов» в общей массе перемещающихся рабочих рук и так уж и много. Поэтому наибольший интерес представляют те, кто пришел в бюро в собственной инициативе, так как они тонны коня тех 90 процентов, кто подсыпывает работу сам.

Для бытовых целей бюро по трудоустройству и информации — бездонный кадровый сюжетов.

— Здравствуйте! — говорит очередной посетитель. — К кому мне обратиться? — И получает очередную монстрацию: миракционно не похожую на никакую другую.

Антонина Михайловна в своем деле человек опытный.

— Я — говорит, — по внешнему виду посетителя, — то, кому он воняет, как спрашивает, как лежится, могу определить, кто он.

И тут же подтверждает свою слова, спрашивая у вновь вошедшего парня:

— У вас 47 «Е»?

— Откуда у вас? — недоумевает он.

— А вот этот, — шепчет она с садкоющим, — подиено домашним. Попадайтесь, как чотко ставят вопрос. И подождите. В штатском пальтишке, а все будто шинелька на плачах.

Я разворачиваю документы: точно, демобилизованный.

Но порой вошедший ставит в тупик даже многоопытную Антонину Михайловну. По открытым глазам, она не может понять, почему юноша, споро может сражаться разве что с кабинетом врача. Принесший за помощь должен доверить это закон. И он доверяет. Но это доверие нужно оправдать оказанной помощью. И сделать это не просто, потому что требованиям капитала — головомолка с множеством условий. Нужна не просто работа, а по соответствующей специальности, и чтобы недостаток дома, и обязательные не гряжны, и чтобы начали смены позволяло отвести ребенка в садик, и

заработок был приличный, и чтоб можно было учиться...

Иной раз видишь, что посетитель не просто до веряется работникам бюро, а предоставляет им решать свои проблемы. Он знает, что нуждаются в его рабочих руках, поэтому не прочь поговорить о будущем плане, познакомить с о своих правах. А тут бюджетный план, часы работы и еще десяток посетителей в приемной, которых надо принять. Узнать жалобу...

Техника этого обслуживания проста. Услуги по трудоустройству оказываются только жителям Московского района. И направления на работу назначаются на предприятия этого района. Конечно, в исключительных случаях, когда посетитель обладает специальностью, которой нет в бюджетном плане, работодатель может предложить ему работу в другом городе. Антонина Михайловна и Андреевич звонят туда своим коллегам и договариваются на этот счет. Предприятия и учреждения Московского района, нуждающиеся в кадрах, просыпают в бюро заявки, в которых указывается, какие профессии и в каком количестве нужна предприятию, на какой заработок может рассчитываться поступающий. Обеспечены. И если же заявки не даются, то виноваты сами заявители. Странно, что встает вопрос о том, кто виноват, если заявка не подана. В общем, борьба может отвечать постулату: когда общими усилиями находится «подходящее место». Антонина Михайловна выписывает направление на работу. Это специальный бланк с корешком. Отдел кадров предприятия, зачищая направление на работу, возвращает корешок в бюро, и бюро и вторично направляет заявку на работу.

Бюро Московского района должно по плану направить на работу 810 человек в квартал. В октябре прошлого года (в первый месяц своего существования) оно выдало 859 направлений. В ноябре — 405, тем самым доказав свою жизненность и работоспособность. Но в кругу ее обязанностей входит не только трудоустройство, но и информация. Причем последняя имеет первостепенное значение.

— А здесь я вам обращаюсь в среднем человек тридцати. Иногда выдаю всего пять направлений, а то и сплошная информацией.

Антонина Михайловна в данном случае ведет визуальную информацию, исходящую из бюро. Но во сколько раз значительнее и полезнее для общества информацию получает оно само от своих посетителей.

Некоторого обратившегося с просьбой о трудоустройстве захватывает участница карточки. На перфорированном кусочке плотной бумаги, размером в два почтовых открытия, вместося несколько ярлыков, набросавших существенные показатели о человеке, поступающем на работу: данные о возрасте, образовании, из какой отрасли пришел, в какую профессию направлен, на какую работу, стаж на прежнем месте, причина увольнения. Последние графы, кстати, имеют 14 пунктов: «переезд в другое место», «специальность (отказ в повышенной зарплате)» до «нарушение трудовой дисциплины» и практически включает все возможные мотивы увольнения.

Впоследствии перфокарты можно обработать и делать по ним соответствующие обобщенные выводы. Наличие эффекта обратной связи. Бюро собирает трудоустроившимися данные об имеющейся работе, а также о полученной информации о приемлемости рабочей силы.

Но на перфокарту попадает далеко не вся информация, которую приносит с собой посетитель и которая, несомненно, могла бы оказаться полезной помощь в изучении текучести. Да для проведения этого можно также выразиться свою собственную карточку и помнить, что собраны данные для определенных целей.

Первой. Официальная учетная карточка далека от совершенства. Раздел «Возраст», например, разбит на пять граф: до 18, 18—24, 24—54, 55—59 и 60 лет и старше. Непонятно, почему в одном случае берется интервал в два года, в другом — тридцать. Логично было бы установить какие-то равные отрезки времени, что дали бы возможность анализировать, какая взрастная категория наиболее подвержена смене места работы.

Далее. В карточке не указывается ни прежняя

УВОЛЕН ПО СОСТАВУ

специальность труда устраивающегося, ни вновь полученная. А без этого невозможно определить место для работы, с некоторыми категориями работников. Например, технические работники, подготовляющие будущие токари, в которых заводы испытывают острую нужду, а в борьбе по труду-устройству уже готовые токари (со стажем, квалификации, опытом) получают направления в слесарско-ремонтники. Может быть, этот пример не совсем точен, но и это надо забывать, что именно в Ленинграде 45 процентов уволенных меняют специальность, потому что есть над чем поразмыслять. Однако наименее перспективы данных для подобных размышлений не дают.

Бюро обслуживает бюро иногородних специалистов с высшим и средним специальным образованием. В этих работниках Ленинград нужды не испытывает. И, хотя такие, как день четырех пятой части, они уходят, не оставая никакой информации.

Ленинград, как и некоторые другие города, который испытывает только ту категорию работников, которая имеет особую острую нужду, а из своих ресурсов восполнить этот дефицит не может. Это прежде всего рабочие на стройках и некоторых заводах с тяжелыми условиями труда. Отработав на стройках или заводах пять лет, иногородние сменят временную прописку на постоянную и становятся коренным ленинградцами.

Эта категория посетителей в подавляющем большинстве — молодежь, окончившая среднюю школу, роже — воспитанники. Некоторые успели отслужить в армии. Привезли они в город на Неве из самых разных областей, но тем не менее планы почти у всех одинаковы.

Пока Антонина Михайловна или Петр Андреевич выписывают им направления, а дальше вопрос, которого, к сожалению, нет в официальной перфораторной:

— Почему вы приехали работать в Ленинград?

И самому мотивы, которые тоже не будут впоследствии обработаны, проанализированы, на основании которых не сделают со временем надлежащих выводов. Вот как выглядит обобщенный ответ двадцати парней и девушек, который я успел опросить:

— Активист — культурный, красивый город. Много театров, музеев. Жизнь интереснее, чем у нас. Здесь можно поступить учиться в институт или техникум и, работая, получить образование.

Я понимаю, что ждать, чтобы кто-то сказал, что хочет восполнить дефицит рабочих рук, сложившийся на стройках города было бы верхом наивности. Но если вернуться к изначальному мотиву того такого приемления рабочих силам со стороны, то можно сказать, что заслужил раз в покрытии этого самого дефицита. Выходит, что приемление в Ленинград и т. д., т. е. их обеспечением работой и пропиской, предполагает разные цели. На первых порах привезенные вынуждены выполнять условия, на которых они будут принять, и работать там, куда их пошлют. Но через пять лет, стал полноправным ленинградцем, они постараются по собственному разумению решить, куда им теперь или работать и какую специальность получать.

И рисуется мысль, что если такой процент, но, думается, большинство, кем домашне, то попробовать, поставить иначе. А потому через пару лет, на смеху увидевшим нужно будет искать новых «варягов». Проблема приобретает хронический характер. И не хватает не просто рабочих рук, а рабочих рук определенной специальности. Поэтому невольно возникает мысль: не лучше ли вести поиск в друг-

ром направлении — улучшить условия и организацию труда на стройках, внедрить прогрессивные и эффективные методы монтажа и отделочных работ, сменить мозговую механизацию там, где еще используется традиционный труд.

Кстати, в этом масле укрыта одна случай, свидетелем которого довелось быть тут же, на Московском проспекте, 125. Когда Антонина Михайловна привлекла очередного посетителя, в нашу комитету влетели пять разгорчченных девчонок лет 18–20.

Нам бы развернуться куда-нибудь в Карельском Узеле... Могли бы сидеть и плачут. Пытались разобраться в истории, произошедшей с девчушками. Сни из Ставрополя. Вместе с большой группой своих земляков приехали на дни орнографии на одну из ленинградских стройок. Договор заключали на три года. По договору их обязали обеспечить сплетеющейся. Но когда они пришли на объект, им выдали линии брезентовые рукавицы и сказали: работайте в своем. А какое свое! Ехали в Ленинград, работали только лучше народ. А на стройке — пыль, грязь, рабочий кирпич, синяки, грязь. Тут фуфаки, ватные брюки, сапоги ножны. Поэтому они и хотят уехать куда-нибудь.

Проблему решать шараша вместе. «Перевербовать» недавно, так как один договор уже заключен девчушками и срок его они не отработали. Вернуться домой? Нужно выстроить из своего кармана все дорожные расходы, а какие в учащихся школьные финансы известно. К тому же они получили прямые запрещения от администрации города. Направить их на другую работу в Ленинграде даже никто не имеет права. В общем, как-то ведомства из ленсона ума или курзака авшия стройкой нужных ей рук, завладев деньги судьбы в тутор узел, и последствия этого трудно даже представить.

Если бы на месте этих девчат были коренные ленинградцы, стали бы они вот так же бегать по различным организациям? Вряд ли. Скорее всего они сядут в руки на скамью, молчаливые и пассивные, в отчаянном ожидании помощи. Где-то в статистических справках в графе «переучившиеся кадры» цифра выросла бы еще на пять единиц.

Стабильность кадров — одна из главных забот промышленных предприятий Ленинграда. Некоторые добились в этом замечательных результатов.

В объединение «Светланы», например, текучесть составляет сейчас около шести процентов в год. Это самое низкое значение в Ленинграде среди всех заводов. Для сравнения стоит сказать, что в среднем по стране лица, увольняющиеся ежегодно по собственному желанию, составляют в промышленности 23 процента от всего количества работающих, а в строительстве — почти сорок.

Я побывал на нескольких заводах города. Бросилось в глаза повальное увлечение анкетированием. Тут никого не надо аттестовать за разного рода социологические исследования. (Не будем придавать к значимости этого термина, просто воспользуемся им, как правило.) различные службы, конторы, управы, комитеты, райкомы и т. д. и т. п. (и т. к.) Создается впечатление, что анкетирование кое-где воспринимается как панацея от всех бед, рожденных текучестью. И хотя его результаты зачастую призрачны, все-таки оно привносит бесценную информацию. Но вот что обидно: используют с помощь этой информацией невозможно. Каждый из этих учреждений, с которыми мы имеем дело, его анкеты. Его интересует прежде всего возможность самостоятельно разрешить «свою» проблему. Но зачастую сделать в одиночку это оказывается не под силу, а полученная информация из-за ее «мистического» характера обработка не поддается. Казалось бы, мелочь, как разбить взрослае грудище с информацией о кадрах и т. д. и т. п. и т. к. Спросим. Его интересует прежде всего возможность самостоятельно разрешить «свою» проблему. Но зачастую сделать в одиночку это оказывается не под силу, а полученная информация из-за ее «мистического» характера обработка не поддается.

Казалось бы, мелочь, как разбить взрослае грудище с информацией о кадрах и т. д. и т. п. и т. к. Спросим. Его интересует прежде всего возможность самостоятельно разрешить «свою» проблему. Но зачастую сделать в одиночку это оказывается не под силу, а полученная информация из-за ее «мистического» характера обработка не поддается. Каждый из этих учреждений, с которыми мы имеем дело, его анкеты. Его интересует прежде всего возможность самостоятельно разрешить «свою» проблему. Но зачастую сделать в одиночку это оказывается не под силу, а полученная информация из-за ее «мистического» характера обработка не поддается.

Естественно, направляется вывод об унификации анкет. И тут должны сказать свое слово научные социологи.

Необходимость и польза такой унификации оче-

видны. На первой ее стадии мы получим всестороннюю информацию о перемещении рабочих рук в масштабах всего города (в дальнейшем области, республики, всей страны). Информацию, которую можно использовать для выработки мер, но принимать же на основе какого мера. Помимо этого, на первом примером может служить опыт самих администраций. Так, в объединении «Светланы» было выявлено, что 20 процентов текучести обусловлено неверным распределением жилой площади. Даже кадровые рабочие, получив квартиры далеко от предприятия, вынуждены были увольняться. Жилье заводом распределяется через горисполком. Соответственно администрации вынуждены менять обменные ордера, чтобы вновь иметь возможность менять районы полученной жилплощади. Это один из примеров стабилизации работы ссы.

Унифицированный учет текучести рабочей силы, можно будет централизовать его и применить при обработке современную электронно-вычислительную технику. О необходимости учета трудовых ресурсов с помощью ЭВМ много раз писали наши ученые-математики. Эта необходимость диктуется самим процессом. ЭВМ помогут не только быстро счи- тывать и анализировать получаемые данные, дать рекомендации по самым различным вопросам, связанным с рабочей силой, и тем самым будут в какой-то меренействоризовать отраслевые налек- ния, сопутствующие текучести кадров.

Унификация поможет в дальнейшем качественно изменить и роль самим бюро по труду-устройству. Оснащенное современной техникой, они станут центрами, где подыскивающая работу человек оперативно получит полную информацию о интересующем ее рабочем месте. Ему останется лишь выбрать наиболее подходящее. Сюда, в свою очередь, не только сядуте борееме жилье, но и направят туда основной поток трудоустроившихся, но и скратят время, которое теперь уходит на поиск работы. А это скромнейшие государственные деньги. Ведь помимо зарплаты, потребные нашим хозяйством в результате текучести, в значительной степени обусловлены теми время- тратами, которые мы тратим на увольнение и уювление, чтобы найти нового места. А кроме этого это что не мало, как сбор информации о своей будущей работе и выбор оптимального варианта.

Бесценными станут услуги бюро при трудоустройстве молодежи. То, что наиболее текучка именно эта категория рабочих, — очевидно. Об этом говорилось и на городской комсомольской конференции. Но вспомним, что мы говорим о юношах, познакомившихся со склонами Авангардской каскады ленинградских предприятий. Приведу статистику только одного из них: 60 процентов уходивших по собственному желанию составляют «вовички», которые проработали на заводе менее двух лет. А помимо — молодые рабочие в возрасте до 25 лет. Другими словами, наиболее склонны к перемене мест не обремененные ни стажем, ни опытом. Их интересует прежде всего место работы в структуре предприятия и в которых есть надежда «встать себя на ноги». Не искалочено, что, столкнувшись с трудностями и там, они с прежней легкостью поднимут паруса. И будут их носить по волам, пока чьи-нибудь умы голова не поможет бросить якорь в затонувшей гавани.

Таким образом советником может стать бюро. В его силах будет не только проинформировать молодого рабочего о вакантных местах, но и рассказать о перспективах той или иной профессии, открыть для него горизонты, что позволит более целенаправленно выбирать специальность, более рационально спланировать свое будущее.

Время показало, что «отменить» текучесть кадров невозможно. Характеристикой для всех предприятий повышенный процент увольнений среди молодых работников с небольшим стажем объясняется, помимо всего прочего, еще и поиском своего призвания, поиском лучшего применения способностей, столь свойственным молодежи. Когда мы научимся это делать, то и текучесть кадров уйдет. И это не только текучесть кадров, мы по-иному станем относиться и к людям, увлечшимся «по собственному желанию». Вместо настороженности эта формулировка вызывает желание помочь человеку, который ищет себя.

На вопросы специального корреспондента «Смены» Евгения Месяцева отвечает вице-адмирал Владимир Николаевич АЛЕКСЕЕВ, первый заместитель начальника Главного Штаба Военно-Морского Флота СССР, Герой Советского Союза

— Прежде всего, Владимир Николаевич, какие виды морского оружия составляют современный Военно-Морской Флот СССР?

— Его общая характеристика сейчас такова — ПОДВОДНО-АВИАЦИОННЫЙ-ОКЕАНСКИЙ-РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ.

Наш военный флот составляют атомные и дизельные атомные подводные лодки (вооруженные ракетами и торпедами), надводные корабли с крылатыми ракетами, ракетные (ракетные, противолодочные, противоминные и т. д.), морская авиация (ракетоносцы, противолодочная и другая), береговые ракетно-артиллерийские войска, части морской пехоты, а также подразделения тылового и специального обеспечения...

Предмет нашего дальнейшего и более подробного разговора — катерники и боевые катера: ведь вице-адмирал Алексеев — известный советский катерник. Боевые операции, которые осуществляли он и его товарищи в северных морях, стали легендарными страницами истории минувшей войны.

— Говорят, что катерники можно сразу же отличить от других моряков. Верно ли это? По каким же признакам?

— Гм... Внешне, по-моему все моряки очень похожи. И походка у всех одинакова — вполне уверенная, твердая. Но один покладист, рассудителен — это подводник. Другой внешне спокоен, сдержан, однако энергия так и выпытывает из него.

АТАКУЮТ · МО

рват из него, и в движении и в разговоре. Это уж, пожалуй, катерники. В нем, как ни в ком другом, вложены ГЛАЗОМЕР, БЫСТРОТА, НАТИСК — знаменитый суворовский девиз.

— Владимир Николаевич, кто и когда впервые применил торпедные катера? Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— В начале русско-турецкой войны 1877—1878 годов лейтенант С. О. Макаров (последствии знаменитый русский адмирал и учёный) по своему проекту оборудовал пароход «Вели-

надз», то есть с первых лет Красного флота. Начали это были трофеейные катера, захваченные у интервентов. В 1927 году построили «Первенец» — небольшой, но весьма маневренный и быстродействующий корабль, проект которого создали в ЦАГИ под руководством А. Н. Туполева. В следующем году советские судостроительные заводы начали серийное производство этих катеров. Высокая скорость, мощное торпедное вооружение — вот что привлекало моряков катарам от лучших зарубежных. Эти качества помогли им выдержать испытания всех лет войны.

Последний взгляд на причальная стенку...

Ракетный катер Краснознаменного Северного флота уходит в море.

Мощный пороговой заряд тащит ракету с направляющими.

Идет загрузка ракет класса «море — поверхность». Каждая из них способна поразить любую цель — в море и на берегу.

— Как вы стали моряком, Владимир Николаевич?

— О море мечтал с детства. В 1929 году поступил в Ленинградскую мореходку, плавал на торговых судах. Затем меня призвали на военную службу.

— Где же вас застала война?

— На Тихом океане. Отсюда многих военных моряков направили на Балтику, на Черное море... Я же попал в Заполярье, где меня назначили командиром дивизиона торпедных катеров.

— И сразу же в бой!

— Сначала пришлось много заниматься по склонению, экипажем, тренировками, боевой учебой. Находясь в море и не своих базах, отбивали атаки фашистских самолетов. Несколько раз ходили к норвежским берегам — ставили мины, искали фашистские конвои... Первый же серьезный бой принял в июне 1944 года — мы атаковали конвой, который подходил к Печенгскому заливу. Используя дымовые завесы, прорвались к конвою, потопили танкер, транспорт и траулер.

— Этот бой вам и запомнился особенно?

— Нет, другой — 12 октября 1944 года. В тот день при нанесении удара по кру.getOwnProperty конвою катер, на котором я находился, потонул южнее острова Варде большой транспорт. По-

СКИТЬ!

кий князь Константина четырьмя минными катерами. Сначала эти катера вооружали шестоминными, а затем торпедами, или, как их тогда называли, самодвижущимися минами. Так появились первые в мире торпедные катера.

Самую первую свою атаку они совершили в ночь на 16 декабря 1877 года. Две катера с «Константина» напали на Батумский порт на турецком берегу. Одна из катеров подорвалась на мине и взорвалась, а группа атаки же вообще не сработала. Однако неудача не смущила Макарова. Он совершенствует свое оружие и цепт противника. В ночь на 14 сентября 1878 года «Константин» вновь подошел к Батуму, где стояли на якорях корабли турецкой эскадры. На воду быстро спустили «Чесму» (командир — лейтенант Зацаренный) и «Синоп» (лейтенант Шашинский). Помимо этого, 40 солдат к борту турецкого сторожевого парохода «Митикаса», матера выпустили торпеды. Как писал в своем донесении С. О. Макаров (к тому времени он был уже капитан-лейтенантом, а после описанной атаки его произвели в капитаны 2-го ранга), «мина Зацаренного ударила у грот-мачты, а мина Шашинского не-много правее. Слизен был энергичных взрывов, и видно было большую массу воды от взрыва. Затем слышалась была сильная треск от переломившегося судна, глухие вопли и крики отчаяния многочисленной команды...».

— А как развивался этот вид морских сил в советском флоте? Кто был конструктором первых наших торпедных катеров?

— «Москиты» появились у нас полвека

сле атаки мы были вынуждены долгое время вести очень тяжелый артиллерийский бой с не- сколькими фашистскими кораблями. Наш катер получила сильные повреждения, многие были убиты и ранены...

— А за что вы получили звание Героя Советского Союза?

— Дивизион торпедных катеров Северного флота, которым я командовал, уничтожил 26 боевых кораблей и транспортов противника. В потоплены семидесяти из них мне довелось участвовать лично. Кроме того, я высаживал морские десанты, обеспечив переходы своих конвоев, искал подводные лодки, выполняя задания по разведке...

— Владимир Николаевич, вот мы говорим о катерах, но немногие знают, в чём such торпедной атаки вообще и с торпедного катера в частности.

— Торпедная атака надводной или подводной цели — это решение сложной боевой задачи. Атакующий корабль должен определить и захватить обозначенный (точно или не точно противником) позицию, задать атаке такое направление, скорость и глубину, при которых можно было бы поразить быстро движущуюся цель. На старых же кораблях такую задачу решали с помощью довольно примитивного принципа. На современных — целый комплекс радиоэлектронных приборов, вычислительных механизмов и устройств.

— Электронно-вычислительные машины «прицепились» — что же дальше?

— Скайный воздух или же порох выпаливают (выстреливают) торпеду из аппарата. Все ее механизмы сейчас же начинают работать по заданной программе. Приборы следят за нужной глубиной, направлением движения и скоростью торпеды.

— Ну, а если цель вдруг резко изменит курс?

— Некоторые типы торпед оборудованы приборами самонаведения: они будут корректировать свой путь к кораблю. Применяется также стрельба заплывами: при этом каждая из торпед движется своим путем, а весь залп перекрывает полосу возможных ошибок и предусматривает уклонений цели.

— В чем особенность нынешней службы моряка-катерника, товарищ адмирал! Какими оружиями оснащены современные «миссии»? Какие боевые задачи они могут решать?

— Не очень-то теперь к боевым катерам подходит это название — «миссии». Потому что, кроме самих торпедных катеров, имеющихся, естественно, на вооружении, — называют миссии. Современные боевые катера можно (в известной мере условно) разделить на четыре класса: ракетные, торпедные, артиллерийские и противолодочные. Все они обладают хорошей боевой устойчивостью, высокой скоростью хода, у них отличные мореходные качества, большая автономность плавания. Электронное оборудование позволяет команде вести корабль в условиях плохой видимости и сложной обстановки. Ракетные катера способны уничтожить практически любую надводную корабель. Противолодочный катер — отличный истребитель подводных лодок, дозорный корабль. Боевые катера могут успешно защищать свои корабли от самолетов и кораблей противника, выполнять другие задачи.

— Владимир Николаевич, какой класс боевых кораблей вы считаете главным противником «миссий»?

— Я уже говорил, что современные боевые катера могут успешно драться с любыми другими кораблями — надводными и подводными.

— А кто блокийший помощник катеров?

— Крупные артиллерийские и ракетные корабли.

— Позвольте узнать, когда вы последний раз были на катере?

— Хожу в море ежегодно, но уже, к сожалению, не как командир катера!

— А какое из морей предпочитаете?

— Морская вода всюду соленая, а наша служба везде трудная...

— Не посвященный во все тонкости человек, как правило, видит в работе штаба скучного географа, мыслящего делавшего из истинно армейской и флотской жизни категориализм. Говорят также, что штабисты всегда можно узять по походке, но это разумно only потому. Верно ли это? В чем вообще суть штабной работы?

— Офицером штаба может быть только тот, кто великолепно знает военное дело по долгой службе в войсках, на кораблях. В штабе должны работать предельно исполнительный и аккуратный человек, имеющий в отношении своей внешности. Неряшливость, беспорядок, легкомыслие в штабе нетерпимы.

Бравый внешний вид всегда откладывал военных моряков, и не только штабных. Конечно, не очень удобно работать в нарядном наложенной манишки на боевом посту подводной лодки или в кабине воздушного морского ракетоносца — это здорово сохранять «стрекозу» на формальном брифинге, чтобы не быть, поэтому и не стоит иметь по костюму, чтобы не быть суть дела. Важно другое. Глубокое проникновение в процесс военной жизни, активное участие в ней — вот что объединяет в равной степени офицеров частей и их штабных коллег. Штаб руководит флотской жизнью. Штабной офицер обязан досконально знать готовность тех или иных кораблей, частей, соединений, их положение и состояние. Он должен следить за тем, чтобы в боевой готовности были обеспечены боеподготовка, техническое обслуживание и прочими видами материальных средств. Офицер штаба обязан организовать боевые действия, помогать командующему руководить теми, кто будет выполнять его задачи в море, в воздухе. Как видите, все это выходит далеко за рамки элегантного костюма и остро отточенных карандашей...

— Зарубежная печать постоянно сообщает о военных учениях об «особенных пребываниях советских военных кораблей в бассейне Средиземного моря». Чем вызвана необходимость такого присутствия в этом районе?

— Средиземное море — это район, в котором постоянно находится 6-й флот США. Известны и цели такого плавания — подготовка агрессии против СССР и других социалистических государств. Было бы странным, если бы мы оставили этот факт без внимания. Кроме того, всем известно, что Средиземное море свободно для мореплавания кораблей и судов всех стран мира. Наш флот пользуется этим правом для благородных, миролюбивых целей.

— Что вы можете сказать о традициях и новаторстве в советском военно-морском искусстве?

— Русских моряков и флотводцев всегда отличали искренний патриотизм, отменная храбрость, высокое мастерство в управлении кораблем, в применении оружия. Русские моряки были всяких врагов своей страны. Образцы высокого профессионального искусства и тактики показали советские десантники и офицеры в минувшей войне. Десантные операции, массированные удары по морским коммуникациям противника, десантные атаки подводников, катерников, морских летчиков и разведчиков — все имело успех лишь потому, что руководители этих операций отвергали в своей деятельности всякий шаблон, поддалились духу поискине творческих.

— Просите, товарищ адмирал, истинно морской традиции, истинно морской культуры, истинно морские разыгрыши, которые на кораблях встречаются новичкам: заставляют ли бегать в машинном отделении с ведром «за парам», посыпают «зачотчики напильником лапы якоря или предлагают новичку «всплюстить в клюзах»...

— Борьба не только моряки разыгрывают новобранцев на корабле — у нас это веселяет, беззаботная традиция. Идет она еще со времен парусного флота. Возьмите возможно, что именно моряки подтолкнули на подобные шутки многих воинских с суши.

— А вас когда-нибудь разыгрывали?

— Конечно. Чем же я хуже других?

— Тоже затачивали напильником лапы крокодилов?

— Вы хотите знать, играю ли я в «козлы». Терпеть не могу! Хотя верю, что эта игра требует определенных способностей и, конечно же, доставляет многим истинное наслаждение.

— Тогда в чём же дело?

— «Козлы» почему-то вызывает у меня неприятные ассоциации: я сразу же припоминаю недалеких авторов — это у них каждый без исключения моряк обязательно должен почему-то просто «забыть козла», отсыпая «включали козла» до самозабвения...

— Выходит, что киннист моряк, моряк экзона моря не всегда соответствует истинному человеческому морю?

— К сожалению, так.

— Извините, Владимир Николаевич, мы много говорим. Как известно, Михаил Тухачевский в 1919 году командовал армии, а Аркадий Гайдар в 17-м году. Какова, по вашему мнению, роль таланта, призыва и специального военного образования?

— Талант в военном деле — это лишь основа, каркас, если хотите. Добиться чего-либо серьезного одним лишь способностями... вряд ли можно. Без необходимых знаний даже самая большая способность человека не сможет командовать — это не то что талант или вдохновение — это сейчас совершенно невозможное. Учебное военное образование, высокая воинская культура, и, конечно, истинная закалка, и твердая воля — вот что потребует прежде всего современного боя.

— Жизнь военного человека — сплошные обязанности: строевое, беспристрастное подчинение правилам, нормам, требованиям от общества и тому подобное. Как вы полагаете, Владимир Николаевич, что скрывает в себе воинский человек естественные реакции на, может быть, енергичное и решительное решение команда и прочие сложности?

— Воля и еще раз воля. На воинской службе все обязаны подчиняться приказу начальника — это не прихоть старших по званию, а абсолютная необходимость. И хорошо, когда она становится убеждением всем военнослужащим.

— Значит, гамлетовский характер быть или не быть» не в почете на воинской службе?

— Считаю, что нет.

— Известно, что и в мирное время военные моряки совершают трудные плавания. Какое из них вы считаете наиболее значительным для нашего военного флота?

— Дальних походов у наших моряков было множество. Среди них — к Северному полюсу, кругосветный поход группы атомных подводных лодок.

— Позвольте личный вопрос, товарищ адмирал. Я слышу, что среди Алексеевых еще военные моряки?

— Мой старший брат — офицер запаса ВМФ, капитан дальнего плавания. Кем будет маленький внук? Хочу, конечно, чтобы стоял моряком...

— Просите, мне западный начальник, но это случай — правила — адмиральские времена ограничено, пока мы беседовали, множество различных телефонов все время отвлекаются на звонки. Адмиралы, конечно, не имеют права отвлекаться на звонки, и здесь не имеет своих наименований томом, и здесь в Глазовском штабе Северного флота СССР, сидят в кабине и ждут звонка и маленький внук...

— Но почему же не понимают в военных?

У ГЛУХОЙ ДЕРЕВЕНЬКИ

У глухой деревеньки Тесово
обнимаются три реки.
Всходит детство мое березовое —
брусличные бочаги.

Всходит солнцем распаренным,
рыжим,
умывается в чистой росе.
Над годами, над мудростью книжной
всходит детство над низкою всей.

Тополь озером надвое сломан,
спрятал корни под валуны.
И горит, не споря, солома
в зыбком свете лыжной луны.

Всходит детство граничных криками
над брусличным мостовым,
над бетонами над битумами
перекрёстный, природный мотив.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

По деревне лай собачий тихшее насторожу.
Это значит, это значит вечер.
По деревне лай собачий —
ну в мочь!
Или, может, кто-то плачет
или эти ночи?
Или волк воет где-то,
а не лес?
Или сердце о приметы обожглось?
Или тополь с выютой в скоре —
разности души?
Или чертова бессонница
может чужими
и в любым отчаянnyм
дашней след...
Ночь, я все тебе прощаю —
за рассвет?

СКАЗКА — КОШКА

Скрипят застуженные тополи,
как двери, склонивши крюко...
Мороз, поднявшись над ступбами,
морозит месяцу рога.

Дома, как черные черничинцы
непроливаемые черниль,—
свет выплывает — не выпьется,
личе рече тени зачернили.

А в томноте мерзают плошкиами
глаза в оправе черных век.
Не сказка ли к нам крадется кошкою
в механиканизмированный век!

А ну-ка, сказочница черная,
на лапы звезды нацепи...
Ты, видно, Дочь Чученого
и потому не на цепи!!

Ах, подходящие условия,
в окондрован до зары...
Прощу тебя: без предисловия
мне снова сказки говори!

ДВА МОСТА

Старый-престарый мост
богат и моком оброс...
Старый-престарый мост
согнутый, как зопрос.

Старая морка на свае —
мерзлая планка краина —
вздохнула-открыла
полозья начала,
тайны реки выбальвала...
Временем без назмы
мост испれた — на снос!
Выпрыгленной пружинкой
дорога на новый мост
взлетает, не глядя в воду.

А старый, скосив нопущенный,
и высунешний, и простуженный,
оставленный, нетогашний,
забытый наутрү колес...
По-прежнему половодье
мёрзят старый мост,
тайны реки выбытывают,—

бесстрастно о страсти и ласке,
о любви и счастье.
Старый, как бабушки сказки,
мост умывающий слухом,
зиннательно гладя в воду...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Анатолий Титов — писатель. В Ленинграде готовится к печати его первая книга. Стихи Анатолия Титова интересны острым опущением поэта, смелоациональными образами и необычайно беспредельными. Эта связь не праздная и мало слушаемая. Она, по слову Валерия Борисова, «является необходимостью для формирования человеческой личности». Красочны и точны стихи Титова о городах на Неве, о современниках.

Ночь поэтам
подарила мечту,
а влюбленные —
разведенные мосты.
Гибкие звезды,
словно птицы,
на лету,
распустив свои
огненные хвосты.

Хрупкий месяц
за фабричную трубу
ущинул
и перегнулся
бородой.
Ветер,
свистом
намозоливший губу,
обесскипетный,
пришел на мостовой.
И притихли

круглоглобые дома,
прекрасные
в погодуреме,
в поплесе.
Непокорная вселенная
сама
рассыпав звездную
приблезила
ко мне.

Сущий сердце
серпантинная
серда.
И, скобрица
ог бид и пустяков,
бесьется
мысли моя
волной
о берега
но изувеченных еще
материков.

Предок мой,
о котором
из древности
теплится память,
в однокичку
на зверя
с затесанным камнем
ходил.

А в коварные дни,
когда сиркуль
справляли
ненасыть и замять,
он в пещере
бессонно
капризный огонь
сторонил.
И считал,
что за лесом,
где сплющие
литое
гнездится,
и за гулкой рекой,
где с рассветом играет
зара,
протянулись две
пропасти —
мира границы,
и задарбивал бога,
ому
приношения
дары.
А за блонином бутром,
из колючих
словых пеленок

рвался голос младенца,
колбаса
сосновый настой,
и такой же сосед,
носимышленный,
намынный ребенок,
видел мира чурт
за бесной полосой.
Время взяло свое,
растраиваемый разум
кораблем
сдинув в море
с порожистой
яниной мели.
И на кромке звезды,
засыпает мне глазом,
идет
неведомый житель
посланник
с плыущей Земли.

Нет надобности подробно представлять гостей «Смены». Это народная артистка РСФСР Людмила Ивановна КАСАТКИНА, народный артист СССР Николай Афанасьевич КРЮЧКОВ, народный артист РСФСР Павел Петрович КАДОЧНИКОВ, заслуженный артист РСФР Владимир Терентьевич КАШПУР, кинодраматург Виктор КОСЫХ. О чём пойдет разговор? О военных фильмах и ролях — именно это объединяет всех участников встречи на страницах журнала.

ЛЮБИМАЯ ВОЕННАЯ РОЛЬ

Когда вам впервые предложили военную роль? Как вы входили в этот образ? Кто был вашим консультантом?

— Для меня, — начинает беседу Л. КАСАТКИНА, — это была театральная работа — бессловесная регулировщица в пьесе «Южный узел». Слов действительно понадобилось: я не знала, как в образе военного жить, она же и была лучшим консультантом. Всю войну я провела в Москве. Видела военный парад 7 ноября 1941 года, видела колонны пленных немцев. Видела, наконец, и тех, кого мы позже пришлось играть, — девушек-регулировщиц. Я чувствовала, что представляю в этой роли всех бесымянных героев военных перекрестков. Говорят, что после этой роли меня и «замели».

Мне повезло больше, — продолжает Н. КРЮЧКОВ: — В 1937 году я получил роль капитана Тарасова в картине «На границе», — как говорится, прозвали в звание досрочно. Капитан Тарасов командовал заставой. Работать над его образом помогали пограничники, а также мои близкие знакомые из других родов войск. Особенно прославленный советский летчик Анатолий Серов и весь его знаменитый патерна.

П. КАДОЧНИКОВ говорит, что его воинская карьера началась еще в 1933 году, когда он предложили сыграть комсомольца Михаила в картине «Современник». «Эпизод очень маленький, — рассказывает П. Кадочников, — но ведь и я тогда только-то начинялся... Первой же, по-настоящему большой работой в военном кино было для меня майор Федотов в «Подвиге разведчика». Получите эту замечательную роль мне помог... Робинзон Круо. Дело в том, что я и снялся в олигархии, когда Робинсон Круо на роль Робинсона принес... Барнетт, который к тому времени перепробовал многих актеров на главную роль в «Подвиге разведчика». Я честно пригласил Барнетту, и он дал мне почитать сценарий.

Надо ли говорить о том, как он мне понравился! Читая эту повесть о советском разведчике, я думал, что если не сыграю Федотова, то никогда ничего подобного уже не получу — ведь такие роли, уверяю вас, бывают раз в жизни.

Любовь к герою с первого взгляда и помогла мне успешно пройти актерскую пробу. Мне сразу всплыла военная форма, и я с неей пошли на расставление: ходил по улицам Москвы, в гости, дома. Подружился с настоющими чекистами.

В КАШПУР. В 1966 году Григорий Чухрай предложил мне сыграть рабочего бойца в «Балладе о солдате». Роль эпизодическая: ее очень короткий промежуток времени мне следовало показать перед русской деревней, чтобы передавалось чувство холода, влаготы, стойкости ко всему лишенному, веру в победу... Входил в образ легко и быстро: в свое время я слушал в авиации, знал армейские порядки, суть военной жизни.

В. КОСЫХ. Мой отец — актер, поэтому я довольно часто бывал в киностудиях. В 1966 году на «Мосфильме» встретил Мину Метелкину (в «Неуловимых мстителях»: Валерка): Мину предложил зайти к режиссеру, простяг: «Эдмон Коссия посмотрел на меня и сказал: «У этого парня мужественные глаза, надо по-

зенить». Родной Яковлевич был не совсем прав. Мне еще не довелось играть разведчика. А там действительно, был танкист, разведчиком, командовал подпольной боевой группой, летал на «ПО-2», плавал на боевых кораблях...

П. КАДОЧНИКОВ. В «Человеке с ружьем» играл в эпизоде радиового пехотинца. Был танкистом. Сенюшкиным... («Разгром Юденича»). Братья Васильевы сделали меня начальником штаба воронежской армии («Офицеры Царицына»). Альберт Бакши — рабочий, погрузчик, Давыдов — был моряком («Голубое дно»)... «Владимирская слава», затем — лётчиком, офицером, который реатрировал советских детей из Германии («Я хочу домой»). Последний раз в картине «Музыканты одного полка» играл на klarinetе.

В. КАШПУР. Танкист, моряк, пехотинец, десантник... Пожалуй, все.

В. КОСЫХ. В двух первых частях «Неуловимых» я играл в общем-то простого красноармейца. В третьей серии этого фильма буду разведчиком-чекистом.

Людмила Касatkина: «Анна Морозова в картине «Вызывай огонь на себя».

Николай Крючков: «Луконин — парень из ничего города».

проверять». Вот так и получила роль Дарьи.

Что из этого вышло, судите сами. Замечу лишь, что наши взрослые партнеры поддавались в этом фильме дублерами. Мы же все троеки проделывали самостоятельно: наши комсомольцы, вспоминая о героях, смотрели «Овода». Все сцены с лошадьми сняты под его руководством и наблюдением — он ведь в прошлом был отличным наездником, прославленным кавалеристом.

Ваша любимая военная роль?

Л. КАСАТКИНА. Анна Морозова в фильме «Вызови огонь на себя».

Н. КРЮЧКОВ. Луконин — «Парень из ничего города». Нравилась себе также в «Трактористах», в «Малаховом кургане», в «Небесном тихоходе».

П. КАДОЧНИКОВ. У меня, простите, две таких роли: майор Федотов и Алексей Мересьев... Алексей Петрович до сих пор остается моим лучшим другом и коллегой.

В. КАШПУР. Гвардии старшина Елистратов в картине «Прыжки на заре».

Старшина Елистратов — десантник и, естественно, обязан прыгать с парашютом. У вас, значит, был дублер?

— Усидеть на земле в окружении таких ребят, о ком они принимают тело за своего старшшу? Режиссер фильма сразу разрешил падать в воду, вспомнив, что в воде не болят суставы. А дальше генерал-лейтенант Иван Иванович Лисов вначале сомневался: стоит ли? Но я и его десантники бросились быстрее на дна прыжка.

В. КОСЫХ. Пока это Данька в «Неуловимых мстителях».

А сколько военных специальностей вы основали в картинах?

Л. КАСАТКИНА. Была разведчицей, санитаркой, диверсантом, «службой» в сухопутных войсках и Военно-Морским Флотом.

Н. КРЮЧКОВ. Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский как-то подсчитывал, сколько из военных я играл. У него получилось, что я «служил» во всех родах и видах войск. Маршал мне это и сообщила. Но, к сожалению,

— Всё роли, которые вам довелось сыграть, относятся к разряду героических. Ощущаете ли вы ответственность, которая ложится на вас в такой работе; ведь зритель стремится обычно подражать героям, а порой делает с него свою жизнь?

Мы просим Людмилу Ивановну Касatkину ответить на этот вопрос.

— Парфос такой работы состоит в том, чтобы без назиданий и подражания показать естественное движение души человека. Лицо мне наиболее дорога роль Анны Морозовой. Дезинфицируя раны, она смотрела на меня с любовью, со своим чисто девичьим любованием, со своим слезами и сомнениями в процессе борьбы переизыскивала в геронию. Но этот процесс и для настоящей Анны и для меня, ее исполнительницы, был не простой подменой одного характера другим. Это стало преображением всего ее внутреннего состояния — в этом и вся ее правда. А теперь скажите: можно ли не думать об ответственности за эту самую правду?

— Людмила Ивановна, известны ли военные и геромические роли свою «отдачу»? Что, например, пишут нам зрители на этот счет?

— Я снова со ссылкой на фильм «Вызови огонь на себя», — Анна Морозовой. После выхода картины на телевидении было забытое на долгие годы слово — «герой». Идея героя, отрывки красных следопытов, музыка боевой славы вызвали имена Анны Морозовой. В государственных и партийных органах пошли письма с просьбой достойно оценить подвиг Сенченского подполья, работу Анны Морозовой. Такова история. Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза разведчице.

Но это не значит, что я — единственный герой. И. КРЮЧКОВ. Позвольте мне добавить к тому, что сказала Людмила Касatkина... Для меня все без исключения военные роли были благородными и живым трудом. Но это не значит, что Крючков вот ведь какой молодец! Симпатии зрителя к любой военной роли — будущий или эпизодической — это прежде всего их любовь к че-

ловку в шинели, ибо почти в каждом из нас есть что-то от службы в армии — были ли он сам военным или же служил кто-нибудь из близких... Больше всего я благодарен Луконину — «парню из нашей города». За то, что он сыграл его в своем лучшем, молодом году. За то, что мой Луконин получил за свою киножизнь боевой орден. За то, что после выхода на экраны этой картины танковые школы нашей страны были перенесены Луконинами...

— Наверное, на съемках всяческое бывало... Вспомнил, пожалуйста, один-два курьезных и драматических эпизода.

Л. КАСАТКИНА. При «бомбёжке» немецкого аэродрома фильм «Пылающие огни на севере» меня чуть не прибило разорвавшимися коротом. Спасибо асветителю, устроившему этот взрыв, что в связи с опаской спутников мои сцены смотрят лучше, чем сцена дубляжа. Я падала с лестницы, лежала в больнице, а затем снова сдавалась в то же седло... Известный риск есть поч-

мокровье полотенце, вода... Ага... Так это они меня так встречают. Я совершенно невозвратимо спрыгнула с крыши на травку — западный пикет. Встречавшие разочарованы. Зато спустя несколько месяцев после выхода картины я мог смело смотреть летчикам в глаза — все сцены в небе я играла без дублеров...

В. КАШПУР. В картине «Гроза над Белой» есть эпизод, когда я бегу по полю среди взрывавшихся снарядов.

Снимали его так. Пиротехники зарядили в пеньки бутафорские, но все равно довольно сильные заряды и обозначили эти места красными флагами, совершенно незаметными для зрителя. Я бежала на встречу камере и что есть силы кричала проклятия белым. За каждым моим шагом вставала стена взрывов: едва я прогремел флаг, пиротехник дергал провод — звезды начинали взрываться. И я бежала, боясь, что моя нога подскочит и скроет меня от камеры. Я вижу, под собой сапоги поднимают ногу, чтобы переступить через них! И в это время взрыв! Меня наизнанку встраивает, и я лежу на землю. Врачи определили легкую контузию...

на. И не только потому, что в нашем фильме он блестяще сыграл Буру Касторского. Борис Сичкин был душой всей съемочной группы. Когда он был рядом, мы брались за любое дело... А в разведку бы пошел с Лаймозом Норейка — он сыграл главную роль в картине «Повесть о чекисте», — если, конечно, он меня с собой возьмет.

Есть ли у вас боевые награды?

Л. КАСАТКИНА. Польские товарищи наградили меня боевым знаком Грюнвальда. Есть у меня и «Золотая нимфа» — за «Укрощение строптивой», но это не военная рать, хотя за нее мне присудили сражаться по-настоящему.

Н. КРИЧКОВ. Не воевал, но имею орден Красной Звезды за картину «Парень из настороженного». И еще настоящий флотский кортик! По-моему, ни у кого из моих коллег нет такой награды.

П. КАДОЧНИКОВ. Когда началась война, я подал заявление в народное ополчение. В рай-

Николай Качников: «Мой незабываемый майор Федотов — «Подвиг разведчика».

Владимир Кашипур: «Гвардии старшина Елистратов из фильма «Прыжок на заре».

Виктор Косях: «Дашка в «Неуловимых местах».

ти в каждой картине. На него, по-моему, всегда кто-нибудь обращал внимание во время съемок.

Курьезы? Был один приятный, театральный курьез. Приехали как-то к нам танкисты. Вышли на сцену клуба и ахнули: в зале сидят... Смутились, к нам подходит командир заставы и сообщает, что, к сожалению, все его люди в наряде и что, если можно, эти троих просят нас играть спектакль. Знали бы мы, какие это были странные и счастливые минуты!

И. КРИЧКОВ. В картине «Пылающие разведчики» я тоже был в роли разведчика, который остерегал мою ячейку и сказывал, что она вылезает эту машину без каких бы то ни было дополнительных укреплений. Ну, я лег, жду. Дрошки земля, затем чувствую, как меня захватывает песком — шум, скрочно выстраивают съемку и давай откладывать Крючкова... В «Малаховом кургане» «вылезала из себя» огнь наших танков, я был спущен на бойню и, я вспоминаю, было спущено на меня! В «Бессмертном» яставил моего Мамочкина подрывать себя гранатой. Надо так надо! С помощью всевозможных приторических хитростей я проделал этот трюк, но при этом меня чуть не прибило здоро-венным камнем.

К. КАДОЧНИКОВ. Входил в роли майора Федотова, для чего в военной форме пошел гордо разгуливать по ступеням Уссурийского университета, не кому-либо, а кому-нибудь. «Почему не приступаете, товарищ майор?» — Поп-татки разложу ружами: «Извините, забыл... Ах, забыли, головуки? Смирно! Стр-ро-е-мы... Шаго-о-ши!» Рубко строевым так, что искры летят из-под сапог. Новая команда, «Круго-о-ши!» И так несколько раз. С тех пор виде генералов у меня руки сама тянется к кольцу...

И еще. В «Пылающих разведчиках» я đóngал роль разведчика-мести самолет. «Чтобы бы вылезть пилота, надо взлететь в небо», — говорил консультант картинки генерал-лейтенант (ныне маршал авиации) Савицкий. Небесному делу меня обучал Герой Советского Союза Василий Васильевич Ефремов. Он и решил показать все фигуры высшего пилотажа.

Взлетели, взялись за акробатику. Летчики и техники смотрят на нас с земли и притворяются: «Вася его привнес, Вася ему попугнуло объяснил, что такое авиация...» Но вот наш «Як», наконец, сел. Гляжу: что такое? Носилка,

В. КОСЫХ. В первой части «Неуловимых», когда помните, мне пришлось додогонять бандита Сидора Ляготы. Темный ночью он высекивает через окно на крышу и с нее прыгает на коня.

Первый дубль мы сделали отлично: кинулось в седла и ускакали. Режиссер велел сниматься по-настоящему. Наши помощники поставили коня под крышу, склоннула холщовку — пошли! Лытый прыгнул на коня. Я бегу за ним. Крыша гудела от моих шагов, лодыжка кидается в стороны, да и я зев и зевал и зевал... Сидор, конечно, спрашивал, будь ли я повторять эпизод. «Буду». Любой сюжет на крышу. Наша настроение, видимо, передалось и лошадям. Они сорвались, едва заработала кинокамера. С крыши этого не видно. Первым на голую землю прыгнул Сидор, а через секунду и уже сидел... на его широкой спине...

Ваша партнерша в военных фильмах? Кого вы особняком считаете? Кому абсолютно доверяете или, как скажут, с кем бы из них «пошли в разведку»?

Л. КАСАТКИНА. Андрей Попов в спектакле «Океан». Люблю играть с Владимиром Зельдинским, Михаилом Макаровым, Сашей Лазаревым, великолепными актерами! Но на разведку я бы пошла с мужем, Сергеем Николаевичем Колосовым. Он отваживал всю войну, вернулся в ГИТИС. Сейчас трудится в объединении «Телевидение».

Н. КРИЧКОВ. Может быть, Саша Гречан?.. Конечно, он С Сини имел пошел на край света!

П. КАДОЧНИКОВ. Борис Барнет — генерал Кли — в «Подвиге разведчика». Людмила Ивановна Касаткина — с ней мы играли в картине «Холодные розы». В разведку бы пошел с Николаем Афанасьевичем Крючковым: он был Мишиным, а «звередом», а потому знает, что это такое...

В. КАШПУР. Всеволод Санаев, Женя Урбанский — светлая эпам памяти. Светлая Харитонова, Генн Юхтина... Прекрасные актеры, верные друзья. Самый же близкий мой друг — Евгений Естественный.

В. КОСЫХ. «Неуловимые» — Вася Васильев (Цыган), Мария Метелкин (Валерия), Валя Курдукова (Ксанка). Особенно цинко Бориса Сички-

на же мне ответили: «Продолжайте сниматься и верьте, что это не менее важно, чем воевать». Позже на первом холодном новосибирском фестивале я встретил там двух молодых лейтенантов, что меня не берут в фронт. Они меня буквально обуглили: «Вы ни черта не понимаете! Думаете, там от вас больше пользы? Недавно в блиндаже мы смотрели «Антон Иванович сердит». Мы видели листья, орган, мы видели мертвых людей и еще лучше сознавали, от какой жизни нас оторвали фашисты и что мы должны защищать. Искусство не должно побывать бесполезным». Я сказал тогда, что я не думайте, будто у вас маленькое дело... Как и многие мои коллеги, в ту горячую пору и много выступали в военных частях, госпиталях — боевых наград на это не давали...

В. КАШПУР. На фронте пошли лишь в августе 1945 года — как штурман BBC был на «ПВ-2» бомбить японцев... Но тут приказ — отставить, конец войне! Есть медали, чисто мирных боев...

В. КОСЫХ. Имею нагрудный знак «Отличник военных войск» — за недавнюю службу в зоне боевых действий.

Был ли в вашей жизни случай, когда именно военные наставники помогали вам выйти из трудного положения?

Л. КАСАТКИНА. Я довольно склонна спрашивать в картине «Операция «Трест». В жизни же это пока не пригодилось. А если говорить серьезно, наши оружие — эмоциональность и слово. Думаю, что это постарше пистолета.

Н. КРИЧКОВ. В Ленинграде, на Кировском острове, трое поддевавших парней попытались со мной податься. Я знала несколько приемов самобраны.

П. КАДОЧНИКОВ. Снималась в военных фильмах, а научился водить танки, пилотировать самолет. Я знаю приемы бокса и самбо, могу ездить на мотоцикле. Что из всего этого мне пригодилось особенно? Пожалуй, все, но бокс в первую очередь. Во время затяжеления в Ленинграде на улице Некрасова хулиган обидел жену. Пришлось обласкаться с ним...

В. КАШПУР. Внутренняя дисциплина, которая всегда отличает военного человека, постоянно помогает мне: собранность на съемках, на

спектакля да и вообще в жизни. Без этого, по-
меху, нельзя...

В. КОСЫХ. Чему научили «Неуловимые»?
Стрелять, ездить верхом. Драаться без оружия...
Служба в пограничных войсках учерила эти
навыки. Когда-нибудь все это непременно при-
годится...

Сделано много фильмов, в которых вы не уча-
ствовали. Были в них роли, которые вам очень
бы хотелось сыграть?

Л. КАСАТКИНА. Любка Шевцова в «Моло-
дой гвардии».

Н. КРЮЧКОВ. Серпилин в «Живых и мертв-
ых», прада, я уже немножко полюбил для та-
кой роли...

П. КАДОЧНИКОВ. В картине «Сильные ду-
хом» я бы очень хотел сыграть Николая Кузне-
цова. Этот образ близок моему майору Федо-
тову...

В. КАШПУР. Роль демобилизованного солда-
тца в фильме «Дом на дороге». Помните эту нехит-
рую житейскую историю? Солдат приходит с
войной, строит в деревне новый дом, и, когда, казалось бы, все у него было — уходит жена.
Как быть? Все начинают спрашивать? Но ведь соз-
дат уже не может жить. И очень завидую Виктору
Лапинскому, кто сыграл этого человека.

В. КОСЫХ. Очень люблю Вася Говорухина из
фильма «Смельчаки».

Иногда слышишь от военных людей, что на
экране человек в шинели весьма далек от на-
стоящей армейской жизни. Ваше мнение на этот
счет?

Л. КАСАТКИНА. Армия не признает диле-
тантов, следовательно, и актер, который взялся
за роль моряка, летчика, десантника или психо-
тица, обязан как можно полнее, глубже влезть
в роль. А если это не получается, то лучше не сыг-
рать, чтобы притом по-настоящему удивляли их
жизненным ходом. Это требование, кстати,
одинаково для актеров любого амплуа.

Н. КРЮЧКОВ. Что ж, видимо, справедливо го-
ворят. Это очень огорчает, хотя о моей работе в
военном кино я пока ничего подобного не слы-
шил.

П. КАДОЧНИКОВ. Добиться родаства душ —

это одно, а обмануть зрителя этого актера,
собираясь играть любую роль вообще и воен-
ную в частности. Предположим, мне в первый
раз дали сыграть демобилизованного летчика —

он уже не летает несколько лет, а служит дис-
петчером на аэропроме. Для меня его личная
биография кончилась: я ее и знаю ни из сце-
ниария ни из других своих партнёров по про-
екту. Но ведь я должен честно вымыть, показывать
людям, что я делал, чтобы зрителю понять, что па-
рой разы настоящий летчик, человек, который

не может жить без неба, звуков мотора, родных
и близких команд и тому подобного! Чему бы
я делал в таком случае? Непременно бы угро-
вила режиссер, консультантов картины —

кого угодно, чтобы мне разрешили месяц-другой
побыть среди летчиков, попробовать, каково
послушать тех, кому военные назначают, каково

приводить в порядок. Не быть дилетантом, уходи-
ти в своей работе за рамки пусть даже очень
короткой роли... — тогда нам поверят, отблаго-
дарат...

В. КАШПУР. Это ужасно, когда тебе не верят!
Не знают, смог бы я играть вообще, услышав по-
добное о себе...

В. КОСЫХ. Военных и историков, чисто воен-
ных и не вспомнишь, не играл. Но полагаю,
что в фильме «Славное подвиг» прежде всего
надлежит передать динамику темы — военная
жизнь обязательно динамична. Чему толку покаж-
ать шинель на человеке? Это довольно просто.
Человек не сразу стал военным; он где-то жил,
что-то делал до армии. И вот все это, неведомое
прежде, принес с собой, а затем отдал мне — на-
играть, рассказать о нас, создателях...

Встреча закончилась. Увидим ли мы еще на-
ших гостей в военных фильмах?

Людмила Ивановна Касаткина, паверное, ско-
ва будет сниматься в многосерийной картине —
так для нее, говорят, есть военная роль. Николай
Александрович Красников — мы тоже встре-
тили в «Морской бригаде». Павел Петрович Кадо-
чников пока не ложат склеками. Владимир Тер-
ентьевич Кашпур создает для экрана образ
еще одного пехотинца. Виктор Косых и его то-
варищи в работе: о этом году мы снова встре-
тили «Неуловимых».

Беседу провели
Евгений НИКОЛАЕВ,
Николай ХЛЕБОДАРОВ

Комсомольский характер

Леонид РЕПИН

пробный каленъ

жизни у нее, по правде сказать, все
вроде бы складно — и дома и на ра-
боте. Но в ее глазах — что-то иное и не ра-
бочее. Быть никем и забытым —
как позаведневшим, без которых, на-
верное, вообще не может быть жиз-
ни. Но иногда Надежда ощущает

странное волнение и беспокойство,

причину которых понять даже не сразу, а спус-
тия какое-то время.

Это ощущение появляется всякий раз, когда
ней видят мальчики — но обязательно той
стороны, где учитель, а просто школы — или когда ей
вспоминаются класс и школьный учитель. Иногда
Надежда вспоминает другое: она стоит одна —
между докской и тридцатью парами вниматель-
ных глаз...

Тогда она невольно задумывается: правильно
ли сделана выбор? Может, все-таки я
была бы лучше, если бы стала... учительницей? Преподава-
тельницей ребятам физику... Как препод-
авал ей Павел Петрович Колмогоров, школьный
учитель, который все ждал: вот вернется Надя...
Кончит институт и вернется...

Она всегда знала, что физика для нее — дело
решенное. Но можно преподавать физику — рас-
сказывать и объяснять то, что известно, открыто,
и можно попытаться сделать это быстрым, са-
мым что может, способом: писать, пустяк не
большие, но все же слово.

Она выбрала именно эту дорогу. Так, может,
это правильный выбор! Может, она правильно
сделала, оставшись на границе того полного зага-
док мира, который зовется физикой и где еще
столько же тайн и загадок...

Физика, рассказывала о своих сомнениях, и
я видел, что это действительно волнует ее. Моло-
дой ученик, кандидат наук, физик, можно ска-
зать, с именем в своей области, и вдруг столь
странные сомнения.

Впрочем, если человек ответственно оценивает
каждый свой шаг в жизни, это размышление посто-
янно о том, где именно он идет, будет более
полезно, чем это звучит сомнением. Сомнение —
переосмысление своей пути. А это уже аналитиче-
ское отношение к жизни: если я сам не попыта-
юсь взглянуть на себя со стороны, проверить
все сделанное, то это сделает вместо меня!

В пединститут Надежда пошла по привычному.
Она и сейчас не знает, как бы это звучало.
Училась с удовольствием, и все складывалось так
хорошо, в общем, и ясно, что она могла предст-
вить себя через несколько лет — кем будет и что
станет делать...

Потом случилось событие, возможно, не

смыслом, значительное, но все же сырьеющее в ее жизни замечательную роль. Надежда вместе с тремя другими девушкими пришла в студенческое научное общество, а там им сказали: «девочки не нужны». Она тогда чуть не расплакалась от обиды. Она принесла сюда не для того, чтобы читать и заниматься наукой, а для того, чтобы учиться, и все... По сути, физику на курсах читал профессор Власов, человек, который увидел интерес и возможности Федосеевой и взял студентку к себе — в Институт физики Сибирского отделения Академии наук СССР, в настоящую лабораторию. Она впервые тогда ощущала себя человеком, который по большому счету совершил что-то полезное. Пусть это было главное, но все же пошло.

Она сейчас помнит основное свое ощущение в то время: работать в лаборатории казалось более интереснее, чем слушать лекции в институте. Я познакомился с профессором А. Я. Власовым, энергичным, деловым человеком, который не склонен к сентиментальности и лишним разговорам. Наверное, Надежда поведала, что именно профессор Власов ее и принял.

Александра Яковлевна для той эпохи — склонную, интересную, где было много негенного, и все, что приходилось делать, приходилось делать, можно сказать, на пустом месте. Это ведь в самом деле интересно: по неуважаемым, едва заметным магнитным следам, которые хранили камни, суметь заглянуть в прошлое. Но это и невероятно трудно. Федосеевой, единственной, кто занимался магнитными следами, образовалась образец. А взять их было, разумеется, неоткуда, разве что собирать самой. И она во главе маленькой экспедиции из трех человек отправляется на полуострова моря в Хаскино — за камнями, за волшебными камнями, которые должны ей помочь раскрыть дверь в давние минувшие. Потом другая экспедиция — три месяца на Таймыре. И здесь больше она работает, тем глубже увязает в науке, тем радее чувствует себя. И вот это притягивает, привлекает. Нет, она не забыла о школе, но поняла: радость открытия, познания сокончерила для нее с той радостью, которую она испытывала как педагог, когда сама дарила другим эту радость открытия.

Все результаты ее первой самостоятельной работы — по намагничиваемости горных пород — удалось показать на конференции по Земле. Годичный период (что-то около двухсот миллионов лет назад), определить координаты Северного магнитного полюса нашей планеты. Данные такие удалось получить и раньше, но все дело в том, что они были получены на других континентах, а для точного сопоставления нужны были еще такие же данные для Азии. Федосеева первой в нашей стране сумела добыть их.

Когда юная Федосеева собрала в своих первых экспедициях, оказались для нее непривычными камни в науке. Теперь и она сама и ее научный руководитель знали уже, что она может работать.

Профессор А. Я. Власов, руководитель лаборатории в Институте физики: «Я понял тогда, что у нее есть то, чего так часто не хватает молодым, вступающим в науку — и энергия, и настойчивость, и вдумчивое отношение к эксперименту — одним словом, все, что необходимо для формированияченого».

Потом Надежда получила другую тему, требующую еще большей самостоятельности, еще большей соразмерности. Если вы не физик и не геолог, название этой темы мало что скажет, как, впрочем, и всякие другие темы, которые только учёные люди могут нарекать столь сложно, сколь и длинно: «Магнитная анизотропия гематита и гипсомагнетита».

Но тему давали в подробности, скрытые в этих словах, скажу лишь, что гематит — один из наиболее распространенных, как говорят геологии, «материнских» в земной коре и магнитные свойства его до сих пор во многом загадочны. Федосеева провела серию довольно тонких экспериментов, определила магнитные константы экспериментов, их температурные изменения, выяснила различия в магнитных свойствах гематита в различных направлениях (это и есть магнитная анизотропия). Все, что она проделала, было проделано впервые и оказалось крайне важным для того, чтобы повысить точность и достоверность палеомагнитных

данных. И это была удача диссертации. Два года назад Надежда успешно защитила ее.

Кажется все, можно поставить точку, ведь диссертация для некоторых — та самая станция, на которой можно выходить из поезда и тихо работать, делать, впрочем, нужное дело. Короче говоря, удовлетворяется достигнутым.

Знаете, что собиралась делать Надежда? Она

думала уходить из института. В школу — препро-

давать физику. И вовсе не потому, что считала

себя лучше, чем учителя, а потому, что, наобо-

рот, она видела, что многое еще можно здесь

делать. Просто она совершило искренне подле-

гала, что, став ученым, станет лучшим, чем мог-

бы быть раньше, педагогом. Ее-таки никак

она не могла забыть школу.

Она ушла. К тому времени ее уже во второй раз избрали секретарем комитета комсомола в Институте физики. И вовсе не потому, что считала себя лучше, чем секретаря, а потому, что, наобо-

рот, она не могла оставить ее просто бро-

ить, хотя бы потому, что вообще не умела бро-

совать начатое. Хотя бы потому еще, что и эту ра-

боту она тоже любила. Впрочем, мало сказать — любила, она просто не могла представить себя вне общественной деятельности. Федосеева была секретарем комсомольской организации в школе, в педсовете, в факультетском бюро. А сейчас — секретарем Института, и ее избрали

и уже в третий раз своим секретарем.

Что ее привлекает в этой работе? Что ей — ма-
лом своим забот: серьезные исследования, ответ-
ственность за выполнение темы в лаборатории, а
дома — шестнадцатилетний сынчика Борька и все хло-
поты, которых женщины не миновали, если уж
она решилась стать матерью. Так что, ей
действительно эта работа привлекла ее к комсомольской работе, а не к жизни людей, как
Федосеева? Казалось, наука, если вы занимаетесь
серьезно, отнимает все время — свободное и
несвободное тоже, да и зачем нужны «лишние»
хлопоты! Но все-таки тянет ведь что-то из этой ра-
боты и Федосееву и других «её подобных». Так
что же?

Мне вспомнился мои знакомые — молодые учёные Московского университета, люди, тоже внесшие свою вклад в науку. Эти люди, конечно, не Ильин и Александров, но и другие, да и многие другие их товарищи. И всех их то-
гда вдруг втянули к комсомольской работе. Тогда впервые в стране в Московском университе-
те при комитете ВЛКСМ образовался совет моло-
дых учёных. Совет этот быстрко креп, множился, давал в всяких стране боковые ветви, которые буквально во глазах превращались в серьезную научную организацию. И вот вдруг втянули в него и секретаря совета — тема эта особая, но пост-
ройемся понять, что привлекло в советы молодых.

Принчины, вероятно, все же разные. У большинства из основателей этих советов — людей молодых, но далеко не новичков в науке — было и мысли и печатные труды тоже были, и они не нуждались ни в чем, что помогло бы им, как говорится, «выбиться в люди». Их привлекали не-
известные им тогда ни этические передаводы-
ни, находясь в контактах со своими коллегами. Да, что поделяешь, современный учёный, углуб-
ляясь в дебри своей науки, часты теряет связь с «внешним миром», теряет контакт с коллегами, работающими в смежных областях — контакт не-
обходимый, питательный, через который проис-
ходит приток свежих мыслей, идеи, дающих толь-
ко и только на этих контактах разные науки в по-
следние десятилетия часто стали вырастать ветви
дравы науки, которых прежде не было.

Ирина Исаева, кандидат биологических наук, молодой преподаватель Московского университета, однажды сказала мне: «Ну, представьте, где-
еще, как не в совете молодых учёных, биолог
может встретиться и поговорить с математиком, а физик скажем, с геологом? Они сидят, каж-
дый зарывается в своей норе, и, честно говоря, не могут найти
друг в друге, просто-напросто не могут найти

важного». В чем дело. Жаждка к общению, необходи-
мость в нем — пусть даже не всегда осознан-
на, стремление к общению отнюдь не ради раз-
влечения, а ради поиска питательной среды, ре-
ди того, чтобы и самому от других что-то взять
и для себя и другим дать то, что им нужно.

Все сказанное тут же подтвердилось и на при-

мере нашей геройни: едва Федосеева организо-
вала у себя в институте при комитете ВЛКСМ
сбор молодых учёных, как сразу же состоя-
лось и нахождение в нем молодых специалистов в инсти-
тутах. Люди сближались, обменивались

целью. Меж ими возникли контакты, появился новые интересы, а раз так, то и жить-то стало, по правде сказать, интересней как-то и беспо-
койнее. Потому что всегда становится интереснее

и беспокойнее жить, когда перед тобой возника-
ют вместо достигнутых новые задачи и новые цели.

Так что Надежда Федосеевой отнюдь не мало

своих личных забав и вовсе не потому она на-
крепко приросла к комсомольской работе, что ей

некуда было деть свое время. Она, как и многие

другие, совершившие такой шаг, понимает: в этой

работе есть и для них источник. Источник, кото-

рый может пить ученого.

Ну, а что же вы думаете? Я знаю, что есть вед-
ущие люди, которые видят, что кому-то нуж-
на их помощь, участие, они забывают о себе и
ведут других за собой. Надежда тоже такая.

Впрочем, наверное, не только за это ее лю-
бят и уважают. Есть в ней какая-то удивительная
жаждка к общению с людьми, потребность отда-
ться, жалеть, все, что есть у самой. И, мне каж-
ется, именно эта жаждка, возможно, даже
важнее, чем ее умение работать в лаборатории.
Ведь школа — это общение, не прерывающееся
ни на минуту. И комсомольская работа — это тоже
общение, и тоже живое и постоянное. А она не может иначе жить.

Когда она училась еще в институте, ездила на алюминиевый завод читать строителям лекции по физике. Два раза в неделю — тридцать кило-
метров туда, тридцать километров обратно, представ-
ляете? И правда! И правда, возможно, потому, что

то, что понимала, в глубине души где-то, что пе-
рагодом уже вряд ли будет, что жизнь ее уводит
в ином направлении. Эти лекции были своеобраз-
ными отдохновением.

В институте мне рассказывали, что до прихода

Надежды многие не знали, что чувствуют, что есть

у них комсомольская организация, а Федосеева

не только дала это почувствовать, но и увлекла

людей желанием действовать.

Профессор А. Я. Власов: «Вы знаете, что уди-
вительно? На все у нее хватает времени. Органи-
зовала КБ на общественных начальниках, совет моло-
дых учёных. Вы чувствуете, она и другим хочет пе-
редать свою любовь к науке».

Иногда профессор, по собственному призна-
нию, ворчит на Надежду: мол, лучше, если бы она все свое время отдавала науке — надо же, пора на чём-то сосредоточиться! Но сам при-
рода не позволяет ей это. И она, привык-
шая к общению, не может этого. Так, например, я-
когда пришла в институт, что мне она просто не может. Не мож-
ет попытаться передать свою страсть и любовь к науке, к стремлению постоянно искать что-то новое, что делает жизнь человека богаче и интереснее. И, конечно, это единий и безу-
модный логичный путь Федосеевой, который вряд ли можно назвать «путем колебаний», — путь, на который она привыкла в школе, в самом начале своей комсомольской жизни, и который продолжает в пединституте и продолжает сейчас.

Вопрос Федосеевой:

— Скажите, вам хватает ли все это времени?

— По правде сказать... хватает. И многим на-
все хватало бы, но большинство просто не уме-
ет распорядиться своим временем...

— А вы умеете?

Смеясь:

— Не знаю...

Ее хватает и на дом, и на работу, и на друзей, которые частенько собираются у нее, чтобы по-
слушать музыку... у Нади коллекция пластинок классиков — Бах, Бетховен, Чайковский, да и са-
ми иногда садится за пианино и Борьку уже поти-
хоньку учит... (не напрасно же музикальную школу окончила)

Многие мне говорили: «Удивительный человек, потому что у нее никогда не бывает плохого настроения...»

— А может, вы?

Смеясь:

— Конечно, бывает!

— И что тогда?

— Беру Джека Лондона — и как-то забывает-

ся все...

Профессор А. Я. Власов: «А работает она мно-
го, на совесть. Бывало, она ночами не выходит из
лаборатории. Если надо что-то сделать — не
уйдёт, но сделает».

г. Красноярск,

ПРОИСШЕСТВИЕ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

«Небольшое подводное землетрясение в юго-западной части Тихого океана было отмечено всеми сейсмическими станциями, расположеннымными на его берегах. Газеты уделили этому событию по нескольку строк, и даже широкой публики оно пропало почти незамеченным.

Однако через некоторое время произошло явление неизвестные, тревожные... В области южного экваториального течения, где сотни японских и австралийских судов ловили рыб, широкая полоса моря внезапно подвернулась краем разлагавшегося planktona и несметным количеством мертвый рыбы. Анализ воды неожиданно показал очень высокую радиоактивность. Рыболовецкие суда посыпали вокруг эту область соленой водой, чтобы избежать нападения радиоактивного стуна.

Между тем экваториальное течение неумолимо несло зараженную воду к берегам Австралии. Сгущенные волны оставили на берегах мириады полузагнившихся заряженных рыб. Радиоактивность почвы резко поднялась. Возникла серьезная опасность массового заболевания лучевой болезнью. Началась спешная эвакуация населения. Появилась опасность, что изогнутые головы рожаного скота, зарывающегося радиоактивными веществами, содержащимися в траве и воде.

Спустя некоторое время воззвательно научно-исследовательское судно. Причина, повлекшая за собой катастрофу, была установлена. Землетрясение вызвало подводную лавину — мутевый поток, устремившийся по склонам впадины Тонга. Вода, смытая с гор, несла в себе радиоактивные отходы ядерной промышленности многих тихоокеанских стран. Поток разбрзгал контейнеры и освободил огромное количество радиоактивных веществ. Землетрясение и мутевый поток вызвали мощное вертикальное движение воды, которое в короткое время перемешало десятикилометровую толщу океана и вынесло ее на поверхность губительные радиоактивные вещества.

Успокойтесь, дорогие читатели! Ничего подобного на самом деле в районе впадины Тонга не произошло. Этот случай описан в своей фантастической книге учений и моряков И. Н. Горский. Однако... Однако куда же девать отходы атомной промышленности? Ведь в 1965—1967 годах ежегодно «производится» их в количестве 80—100 тонн, а в 2000 году ожидается — 1000 тонн! Из-за закорючий контейнеров с отходами в океанских впадинах принадлежит воне не фантазии Горского, а весьма реальным людям: дельцам и ученым США. В частности (если исключить, разумеется, возможность описанного случая), они, утверждая абсолютную безопасность этого способа, приводят расчеты, якобы

свидетельствующие о том, что обмен придонных вод в этих впадинах происходит в течение 1500—1800 лет, то есть за такой срок, когда уже успеет произойти распад значительной части радионуклидов.

Однако расчеты советских ученых В. Г. Борисова и Б. А. Таресова неудовлетворительны. Они исходят из того, что придонные водные соли не проникают 200 лет! К ним присоединяются и японские ученые. В частности, океанолог Я. Мике утверждает, что возраст придонных вод в Атлантике — 150 лет, а в Тихом океане — 300—350 лет. О какой уж тут безопасности захоронения отходов атомной промышленности можно говорить! Советские ученые считают, что никакими радиоактивными отходами океан заражен!

И тем не менее ежемесячно американцы собирают неподалеком от океанских отходов атомной промышленности в жидком виде и в консервированном виде.

Радиоактивность — страшный враг океана. а значит и человека! Но далеко не последний враг.

Все помнят «мататугоу вежа» — гибель гигантского кита у берегов Великобритании. Лампа нефти обурзила на берега Англии и Франции. Но, может быть, эта трагедия, так сказать, местного значения? Постмотрим.

Сегодня четверть мирового тоннажа торгового флота составляют танкеры. Промысловики, они склонно обсыпают в море около полумиллиона тонн нефтепродуктов. В районах нефтяных портов нефтепроводы моря и многое другое являются источниками нефти.

В последние годы все более активно развиваются нефтяные промыслы в море, в Мексиканском заливе, в Персидском заливе. Сейчас разрабатываются газоносные месторождения в Северном море, есть надежда на обнаружение там и нефти. Масса нефти уходит из этих районов в открытое море. А ведь нефть — это загрязнитель, который поддается очистке, может подавлять водоросли, изменив воду. Мирового океана в несколько раз превышают разведененные запасы на суше. Это значит, что нефтяной поток в океане в ближайшие годы возрастет во много раз!

Но и это еще не все. По берегам морей и рек расположено великое множество промышленных предприятий. Трудно даже представить себе, каким чудовищным количеством ядов погоняют ежедневно океанские воды. Многие запасы нефти в открытом море со временем иссякнут, несущими промышленные отходы!

Из этого очевидного перечисления бел следует сделать для каждого вывода. Первый: не затрач, не в будущем, а уже сегодня, сейчас проблема сбережения океана «беспрерывного», «безграничного», «бесбережного». Сожалению следует признать, что в мире океан, люди начали забывать это. И этой ошибкой, которую не было только сто лет назад, но и даже не пытались исправить, не идет пятдесят лет назад. Стремительный рост цивилизации ураганом ворвался в спокойное, миллиардами лет вымыщенное течение природных процессов, и они меняются буквально на наших глазах. Да, мы преобразуем природу. Но, увы, порой перед этим преобразованием стоит вопрос: «Что?

«Мы живем в этой самой разрушительной геологической катастрофе, которую только знала планировка. Причина этой катастрофы — человеческая деятельность!», — заметил однажды академик Вернадский.

ПЛОТИНА ЧЕРЕЗ
«БЕРИНГОВ ПРОЛИВ»

Помни, еще школьником я слышал в Политехническом музее удивительную лекцию. Речь шла о гигантских изменениях климата Дальнего Востока и Восточной Сибири, которые могут произойти, если человечество сумеет совершил в общем-то такую же невыполнимую работу: перегородить плотиной Берингов пролив (длиной около 60 километров). Мы все, юноши и до-

ушки, затяну дыхание слушали о том, как Камчатка превратится в хлебную житницу, а на Камчатке, в Приморье будут цветти цитрусовые плантации и зреТЬ инжир. Мы ясно рисовали в своем воображении, как отступят вечные мерзлоты и тают арктические льды. И гордость за могучество человека переносила напор сердца!

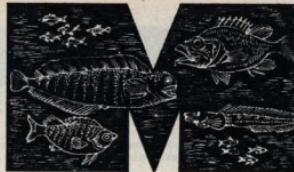
Это было много лет назад. С тех пор техника шагнула вперед немизеримо, и сегодня изложила через Берингов пролив — вещь вполне осуществимая. И вот не так давно мне попала на глаза одна статья, в которой снова упоминался Берингов проект. Автор статьи, оперируя цифрами, говорил о том, что Берингов пролив, если бы обработан, то, в какой-то степени способен в Политехническом музее. Танкеры ядов и снега вызовут бурные ложки, а на севере снегопады. Снег не будет успевать таять, и слой его будет чудовищно расти. Постепенно превращаясь в лед, он покроет ледяным панцирем Северную Европу, Азию, Америку. Наступит новый ледниковый период. Все это сделано здесь скорее для интереса, чем для практической необходимости. Но все-таки это же прав: тот, кто обещает перенести на Камчатку или ледник в Москву? Видимо, прав будет тот, кто скажет, что мы, в полном смысле преобразователи природы, должны крайне осторожно и осмотрительно использовать огромную силу, которую дала нам национализация. Мы можем все: осушать моря и создавать новые, поворачивать реки и строить промышленные объекты, но не забывать о существовании океана.

Примеров, подтверждающих эту мысль, не счетать. Вот один из них — водохранилище Курганская ГЭС.

Назерин, с тем чтобы утолить жажду Каира. Много лет от этого говорилось на страницах нашей печати. Однако вдруг возник новый аспект проблемы. Ученые северных областей, через которые пройдут новые русла рек на пути к югу, рассчитали, что изменение гидрологического режима повлечет за собой заболачивание огромных территорий! А кому нужны болота?! Задача этого проекта придется снова засесть за рабочий стол.

Многие, видимо, читали чудесную романтическую книжку К. Паустовского «Кольхида». Речь в этой работы осущестлена, но немалая часть легендарной Колхиды покрыта еще непроходимыми болотами. Еще одно усиление. Но тут подоспели исследователи грунтовых учеными. Они выяснили, что болота — это не просто пересохлая болота на поймам пути птичьих перелетов. Здесь они, вечные стражники, отыскали, корягисты, плодятся. А жизненный цикл птиц, как известно, связан со многими другими циклами природы и в том числе с сельским хозяйством. Выходит, что нельзя тратить Колхиду.

Еще совсем недавно, каких-нибудь сто лет назад, у человека с планетой были традиционные отношения, сложившиеся миллионами лет, от-

ношения охотника и зверя. Против слабого человека стояла во весь гигантский рост неподъемная, непокоренная природа. Бороться с ней, урывая из нее куски покоренное, пожиряне, для того чтобы выжить — самую первую программу, по которой действовали человек. Но вчера недавно все переменилось. Человек начал приурочяться во влаственнина. Он начал приручать природу. Так же безумие ли обладыкати по всем правилам охоты домашнее животное?

ВЗГЛЯНИТЕ НА КАСПИЙ

А теперь вернемся к морю. Ступим кругом расуждений. Помню, в далеком детстве, еще когда с родителями я жил в Баку, Каспий на карте представлялся мне перевернутым самогоном, причем на носке этого сапога имелся длинный отросток, а на кончике отростка — бученик. Позже, научившись читать, и узнал, что отросток и бученик имели название — залив Комсомольский. Случалось так, что много лет я не был в Баку, а за это время образец внимания на картографическом изображении Каспия. Но однажды, взглянув на карту, не поверил своим глазам. Ни отростка, ни бученика на карте не оказались.

Так я впервые узнал, что Каспий мелает. Недавно, побывав в Баку после тридцатилетнего перерыва, я увидел воочию, как это выглядит.

Приморскому бульвару там, где был бетонный берег, волны разбивали волны, оказалась балюстрада, за которой волны бульвара, расположенный как бы террасой ниже. За тридцать лет море отступило почти на четверть километра. Но и в же времена неподалеку от мыса Балмак, в Бакинской бухте, появился островок, на котором оказались древние развалины! Значит, когда-то Каспий был еще мельче? Означает ли это, что Каспий сдвинется. Сейчас идет процесс «выдоха» и с тех пор, как видел Каспийское море в первом году жизни, оно сократилось на 32 тысячи квадратных километров. Ну, а чтобы вам яснее представить, что это значит, поясню, что именно такова площадь Азовского моря.

Однако, скажете вы, раз это нормальный природный процесс, то, следуя рассуждениям автора, все в порядке. Или же все в порядке, если бы не нефтегазовая промышленность. Но вспомните Волго и других «казахских» рек, в том числе мелководные участки моря — лучше настичина синевинных горд рыб. Это значит, во-вторых, что, нарушая естественный природный цикл жизни моря, мы абсолютно не гарантимоны от того, что одни нарушение не повлечет другого, и в результате не произойдет нонпроране. Вчера сохранилась сплошная азербайджанская традиция чай. Пирожок чай, без ничего, в чайных на бульваре, в городе, в Крености. Кренкий, ароматный, в особых маленьких стаканчиках...

Мы сидели на бульваре в одной из чайных, пили чай и беседовали. Профессор Кулев, профессор Гюль и я. Замечу, что двое ученых были старыми друзьями.

Касум Кизимовский Гюль говорил горячко и убежденно. Говорил о гибели каспийской рыбы:

— Каспий — это прежде всего рыба. Всего

тридцать лет назад море давало 78—82 процента мирового улова секторовых и 90—93 процента черноморской. Нет, это не просто водный бассейн, как Каспий! Если нынешний бюджет Мирового океана дает в год 0,04 миллиарда тонн рыбы, то Каспийское море давало 6,7 миллиарда! Тридцать лет назад мы ловили в год 180 тысяч тонн секторовых, лососевых и крупnochастиков. Сейчас едва 30 тысяч тонн. Мы ловили 250 тысяч тонн воблы, сейчас в десять раз меньше. Раньше брали по 130 тысяч тонн знаменитой каспийской сельди, сейчас ее почти совсем не стало. Зато кильки теперь мы ловим в сто раз больше, чем тридцать лет назад!

Почему это происходит? Барбарское заграждение моря, в первую очередь нефтью. В некоторых участках моря заграждение нефтью превышает допустимую норму в 600 раз!

Все это из германского труда нефтиков Каспия. Энергетики, Нефтяники, и т. д., и т. п. имена несуществующих на земле наименований нефти из Баку, где сейчас неудержимо растет нефтепромысловое управление имени Нариманова — младший могучий брат Нефтиных Камней. Но знают ли, сколько горячие рабы приносят нефтикам! Это ведь стоит лишь посчитать, окажется, что рабы дают значительно больший экономический эффект страны, чем нефть. Каспийская нефть — это не просто обещание, это реальность!

Но тут вмешалась профессор Кулев.

— Что из этого следует? — спросил он.

— А следует то, что, если нефтикам не умеют сохранять в море чистоту, надо закрыть промыслы до тех пор, пока не научатся. Лет... на сто. Страна от этого не обеднет, а, наоборот, приобретет рыбные богатства! — сказал профессор Кулев.

Профессор Кулев начал разговор сожалеть:

— Во-первых, бакинская нефть такова по своему составу, что нет ей равной в стране, а может быть, и в мире. Во-вторых, под морем лежат грандиозные запасы нефти, и вскрыть их — прямая, срочная, важнейшая задача нефтикам. Требование коллеги Гюля бессымыльно!

Спор между учеными разгорался, а я смотрел на них в замешательство и думал, что же прав.

— Но ведь выход должен быть найден! — обратился я и наконец к Киму.

МОДЕЛЬ МИРОВОГО ОКЕАНА

Как пишут, скрепляются над Каспием интересные анекдоты вокруг пропаганды.

Мелiorаторы и энергетики относятся к морю абстрактно. Им в конце концов безразлично, есть оно в природе или нет его... Но вот за на водокомплексами они готовы в бой. А между прочим, во время паводка река проносит около половины годового «бюджета» воды.

Рыбаки и моряки готовы на все, лишь бы им было хорошо. Каспий. Гибнут исключительно фарватеры, гавани, мелководья со всеми сооружениями оказываются на берегу, и старые каспийские промыслы с опаской ведут свою судьбу возле новых, неведомых берегов.

Нефтегазин в принципе не против обмеления. Тридцать лет назад они насыкли на моря для того, чтобы создавать новые нефтяные промыслы на месте Биби-Эйбатской бухты, а сегодня моря, которые предстают в трофеях. Трудно сказать, что почина сразу: очень много будет у этого института браг. Брагов из числа тех лэлов, которых привыкли только брать от природы. Впрочем, я уверен, что люди, участвующие от природы, должны будут отстичини. Очень громок голос общественности, поднятый в защиту природы.

А я думаю потому, что дело ведь не только и не столько в самом Институте Каспийского моря. Ведь все то, о чём говорилось в отношении Каспия, имеет прямое касательство ко всему Мировому океану. И если не сейчас, то через пятьдесят лет все проблемы Каспия станут перед людьми масштабе океана. Каспий сегодня — это модель Мирового океана западного полушария, а в будущем это может стать, на Каспии, на прокладке промыслов, что рождается новая форма национального подхода и исследование проблем моря — комплексный научно-исследовательский институт. И в этом мне видится будущее науки, нет, не об океане, а о взаимоотношении человека и океана. Я убежден, что такая же настольная необходимость существует и в отношении леса и других областей природы, с которыми входит в контакт цивилизации.

имеется прямой путь к разрешению этого клубка пропорций. В принципе решен всеми высшим научным советом вопрос о создании в Баку Института Каспийского моря.

Об институте с увеличенными расширяющимися оба «противника». Я стало это слово в называя, потому что и профессор Гюль и профессор Кулев не только друзья, но и единомышленники в главном. Оба они прекрасно понимают, что проблема Каспия может быть решена только комплексно.

Это будет необычный институт. В его лабораториях будут трудиться бое с океанологии и экономистами, нефтегазин и энергетиками, геологами, мориками и инженерами. Штаты будут скрепляться не над морем, а в лабораториях, и сражения будут длиться до тех пор, пока не победят истиня. Здесь будет взвешиваться все решения, влияющие на судьбу моря со всех сторон — от бухгалтерии до мореплавания, и лишь тогда будет возможен обоснованные, авторитетные рекомендации.

Если, например, сейчас решается судьба будущих гидростанций в соответствующих институтах и ведомствах, при весьма косвенном учите интересах других отраслей народного хозяйства и тем более природных условий, то при наличии такого института любой проект, будь то ГЭС, или новый нефтегазин промысел, или строительство нового комбината, или любой другой проект будет выдержана суррогатная сторона со стороны всех экспертов. Будут «пронгрызаться» всевозможные варианты, вливаясь новое начинания на природу, на Каспий, и лишь после полного курса испытаний институт даст свое «добро».

Слушая рассказ об Институте Каспийского моря, я, конечно, тоже пока еще не знаю, как это будет выглядеть, но я могу сказать, что создание и ведение и разработка и тренинг. Трудно сказать, что почина сразу: очень много будет у этого института браг. Брагов из числа тех лэлов, которых привыкли только брать от природы. Впрочем, я уверен, что люди, участвующие от природы, должны будут отстичини. Очень громок голос общественности, поднятый в защищении природы.

А я думаю потому, что дело ведь не только и не столько в самом Институте Каспийского моря. Ведь все то, о чём говорилось в отношении Каспия, имеет прямое касательство ко всему Мировому океану. И если не сейчас, то через пятьдесят лет все проблемы Каспия станут перед людьми масштабе океана. Каспий сегодня — это модель Мирового океана западного полушария, а в будущем это может стать, на Каспии, на прокладке промыслов, что рождается новая форма национального подхода и исследование проблем моря — комплексный научно-исследовательский институт. И в этом мне видится будущее науки, нет, не об океане, а о взаимоотношении человека и океана. Я убежден, что такая же настольная необходимость существует и в отношении леса и других областей природы, с которыми входит в контакт цивилизации.

Фантастический
роман

Черный ящик

На этот раз к белому коралловому рифу гостя доставила вместительная губернаторская яхта, что позволило более чем удвоить состав участников повторной экспедиции. Кроме четырех друзей, на остров прибыл профессор Мак-Керри — изобретатель «Черного ящика» и все участники губернаторского обеда, кроме леди Келленхем и епископа, категорически отказавшегося от знакомства с феноменом. Вместо епископа отправился доктор Кери. Экспедиция для него, как психиатра, представляла чисто профессиональный интерес.

Яхта с металлической обшивкой и обилием металла на борту — на них архипелаг напурзил ее в свое время — стала чисто научным судном, начиная с консервных банок и кончая молотками для забивания джеркетов палатки — без приключений вошла в хрустальную бухточку острова. Магнитная защита ее не спасла или не пожелала сработать. Никаких аномалий не наблюдалось и во время выгрузки экспедиционного багажа.

Заряженные первыми зарядами и разочарованные, Голос утром не подавал никаких признаков жизни, и наши первооткрыватели уже испытывали чувство недовольства, как ярмарочный фокусник, обнаруживший, что двойного дна в его ящичке нет.

— Важен контакт, и мы пикник, — нахмурился Рослов.

— Ты прав, — сказал Голос.

— Почему ты молчал? — мысленно спросил Родственник.

Я изучал новоприбывших. Только один за- служивает внимания.

— Высокий, седой, с орлиным носом, как у Марциала.

— Я не вижу. Вот ты представил его, и я за- писал его образ, отраженный в твоем сознании.

— Как записал?

— Ты представил себе свою авторчукту. А затем — проекцию воспоминаний: пишешь машинка, телетайп, лента магнитофона. Нет, ваши земные способы несовершенны и хрупки. Я снимаю записи с мозговых рецепторов.

— Ты прочел мысли прибывших?

— Я прочел из жизни. Всю накопленную ими информацию. И ничего не взял. Интересен один. Я вспомнил его работы. Они значительные творчески по традиции. Ты болен симптомом, который тебе смешался с началом зрения. Я знаю его новый замысел в математической разработке теории управления. Вы оба идете к одной цели, но кружевами путьми. Вы ищете, а я иду.

— И я ищу, подсказавшие решения, или не можешь?

— Иного могу. Если решение не вспыхка гения, то что-то принципиально новое, а опти- мальный результат отбора уже накопленной информации.

— Значит, и ты не гени?

— Я не человек.

— Но вступаешь в контакт с человеком. А такой контакт не может быть односторонним. Отдавая часть своей информации, человек должен получить что-то взамен.

— Чего?

— Части твоей.

— Не возражаю. Это тренировка памяти.

— Тогда ответь на вопрос прибывших со мной.

— Тогда скажи всем, что ты существует — одной мыслью, — и переключись на меня.

Весь этот мысленный диалог Рослов провел в состоянии прострации. Мысли не отлавливались в звуки — губы даже не дрогнули.

Первыми заметили состояние Рослова губернатор.

— Вам недороговато? — спросил он тревожно и недоуменно оглядев соседей. — Что это с тобой?

Барис, сидевший рядом, толкнул легонько Рослова — тот даже не попечевелулся.

— Кажется, без сознания, — сказал доктор Кери, поднимаясь. — Похоже на катаплазию.

— Сядьте, док, — остановил его Смайли. — Не трогайте — он разговаривает.

— С кем?

— С кем здесь разговаривают? С хозяином острова.

— Не шутите.

— Какие уж тут шутки! Шутим не мы, шутят вы.

В глазах Родственника блеснул огонек сознания, возвращенного из путешествия в инкуб.

Губернатор хотел сказать что-то, но так и замер с открытым ртом. Чужая мысль оттолкнула в нем.

— Я здесь, господа. И я буду говорить с вами. Помедумайте над тем, что вы хотите услышать.

— Кто это? — вскрикнул губернатор. — Кто сказал?

— И тоже слышал, — прибавил Кери.

— Все слышали, — поморщился Смайли. — Поглядим лучше Энди.

Рослов, уже успевший проглотить солидный кусок омаря, отверг сквозь зубы:

— Порядок, Борис. Будет говорить с каждым и со всеми. Но через нас.

— Не понимаю.

— Он только что сказал, что слышиком много времени ушло на то, чтобы помянуть настырку. Каждый из нас четырех, будет транслятором.

— Предлагайтесь, — вмешалась до сих пор молчавшая Шипагин, — четыре настройки — четыре транслятора — это максимальная продолжительность сеанса. Перую настройку — вопросом профессора — Мак-Керри, вторую — Родственнику, третью — мне с Инвой, четвертую — вам, господин. Не обижайтесь, но я не могу отложить визит в чисто научный и общеучебный чистый интерес. Вы дополните то, что мы упустили или забудем. Просьба задавать вопросы вслух, а не мысленно, мысленного контакта с нами не будет — передача пойдет через одного. И воздержитесь от личных, я бы сказал, неинтересных вопросов.

— Что значит «личных»? — спросил лорд Кельвин.

— Ответят Шипагин не успев. Он вытащился, побледнев, прокривился от лица, отдавая весь свой поток мыслей, и заговорил странно глухим голосом, без интонаций и пауз:

— Я жив, профессор Мак-Керри.

Мак-Керри уже обрел присущую ему хладнокровие и не повислая головы медленно и раздельно поиски:

— Я не жив, и не человек. Вы невидимы и тем не менее существуете. Ваше познание несомнено и значительны, и все же вы мысленный контакт с человеком возможен для вас только в пределах этого рифа. Кто бы: живое существо или машина?

— Ни я, ни другое. Я саморегулирующаяся система с ограниченным кругом задач.

— Каких именно?

— Все они сводятся к одной — полному системе. Синтез информации о Земле, об эволюции живого вещества вашей планеты, о человеческом разуме, о земной накопленной человеческой информации. И это она научилась мыслить. Применяя земную терминологию, мыслить как единственный информационный центр мира.

Значит, все-таки машина с ограниченной задачей накопления информации. Суперколлектор.

Память — это не только накопление информации. Это и отбор, и кодирование, и определение, и управление, когда из хранилища извлекается нужная информация, и забывание, когда информация уже не нужна, и тактическое ее использование, и стратегические ресурсы. Акт суждения — основа мышления — немыслим без саморегулирующейся системы памяти.

Ваша природа, устройство, организация?

— Не знаю.

— Вы же не можете не знать элементов, об разующих вашу систему.

— Я знаю только, что накоплено человечеством. У него нет информации, определяющей мое поведение, мои действия, мои будущее — нет такой информации и у меня. Все, что я знаю о себе, я узнал от человека и через человека. И то, что и невидим, что призывает к этому остро- ву, что могу запинаться, создавая поля ненз-

вестной мне природы и мощности, и вызываю у любого человека в пределах остррова гипноз и гипнотизируют любой глупинь и реальность. Я ничего не знаю о Разуме, создавшем меня и забросившем на эту планету. Иначе говоря, и для вас и для себя я «черный ящик», как вы называете систему неизвестной конструкции, о которой можно судить только по ее реакции на различные воздействия.

Шипагин задыхнулся и потянулся. Он даже улыбнулся, хотя и с усилием.

Теперь отключился Смайли, сразу ставший похожим на бирманского божка с отлитым оскалом ульбаком.

— Справляемся, Рослов, — сказал Мак-Керри, — он живет.

— Да, это в общем, наши предположения, — это же включилось Рослов. — Случайно или сознательно?

Смайли — уже не Смайли — ответил однотонным, деревяшним голосом:

— Конечно, сознательно. Я не знаю случайных умозаключений. Я отбрасываю ваши предположения лишь то, что оказалось наиболее близким моему информации.

— Значит, последовательный акт суждения? С不可缺少. Он продолжался?

— Долго секунды. Я не отсчитывал.

— Для тебя попадалась встреча с ними. И для тебя предстал остров. Как же прошли эти встречи с Платформой, Смифтом, Ньютоном и Коннериком?

— С них мыслю. Ведь книга не только свиток пеграмента или спичка бумажных спринцев испещренных рукописями или типографскими знаками, но и гигантское скопление мыслей, чувств, образов и ассоциаций. Мысли какого-нибудь горничной в деревнях Фивах или замыслы солдата в двенадцатом легионе Цезаря не задавали меня, но годы раздумья Смифт и Ньютон вспоминали меня в моей памяти со всеми сомнениями, варианты и поправками. Я учился вместе с человечеством. От песочных часов к теории относительности, от оружия Архимеда к синхрофотонам и циклотронам. Раньше было легче: античные библиотеки християнской эры и монастырские книгохранилища средневековья не сберегли столько информации, что человек, даже если бы он собрал ее все, мог бы уместить в одном Британском музее. Но потом мысли растут и умножаются, и моя космическая память затягивается и хранит любой след, доисторий истории человеческой информации.

Рослов зацепился за слова «космическая память».

— Что это? Память, не ограниченная пределами земной поверхности?

— Я не дига земного разума.

— Ты же связан с ним.

— Нет.

— И не было связи со временем твоего прибытия на Землю?

— Я не знаю времени моего прибытия на Землю. Может быть, прошли тысячелетия, прежде чем я стал принимать информацию.

— Ты не можешь знать времени моего прибытия. Раньше не напрописывалось, что созданная тобой цивилизация не знает о своем существовании? Или даже о своем прибытии на Землю? Или ее вообще нет, нет этой цивилизации? Гаснут звезды, умирают планеты, гибнут народы. Ты знаешь, конечно, античную легенду о Синифе. Кому же нужен такой труд?

— Рослов, рапорт! — крикнул Мак-Керри, и Смайли-не-Смайли тотчас же деревяшко отключился.

Все, что предвосхищаете вы оба, возможно. Любой контакт умножает информацию.

— Даже такой? — повторил Смайли-не Смайли.

— Вы спрашиваете — я отвечаю. Потом мы обсуждаем усвоенное. Высказываем споры. Или же мысли о том, что предполагают. А наиболее стабильное я отбираю.

— Помочь стабильностью я отбираю.

— То, что остается, не рассеивается, приумножает знание. След мысли в движении Разума... — что-то всхлинуло в горле Смайли-не-

ДАВУРЫ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Смайли и вырвалось криком: — Пять! Один глоток или я сложну!

И Боб нетерпеливо потянулся к жестянке с пивом.

— Что вы чувствуете, Смайли? — спросил доктор Кери.

— Что может чувствовать телефонная трубка? — отрыгнулся Смайли. — В нее говорят, и она говорит.

— Все-таки интересно, как проходят передачи. Телевидение грохнет? — Кери вопросительно взглянул на Мак-Керри.

Черный ящик, — усмехнулся тот, — классический черный ящик.

— Кстати, где же он? — спросил Барис.

— Отдыхает.

— Каким образом?

— Как мы с вами перед лекциями. Мы заляемся ветчиной, а он, допустим, электротерапией. Как транзисторные приемники на аккумуляторах. Подзаряжается, — засмеялся Родольф.

И провалился в Ничто.

Рождение Селесты

— Я жду, — сказал Родольф.

Он уже давно знал, что значит видеть, слышать и говорить. Не раз видел и солнце в синеве неба, и такую же синь океана, и набегавшую волну на белый скат рифа, и пену на волнах, и хрустальную бутылочку на ракушке. Сейчас он видел все это из голубой палатки главного ботанического института. И это было нечто голое, не мысленно, а в привычном передозации звуков, только глухо и однотонно, потому что не мог расцепить речь присущими ей интонациями. И его слушали, затягивая дыхание, разные люди с разным объемом и качеством информа-

ции. Но двусторонний контакт открывал ее вовсю: фраза: «отбор накопленного разумом» переходил в прямое общение с разумом.

Оно и сейчас звучало с очарованием вопроса. Потому тела интересовал миф о Христе? — спросила Шпагина.

— Я связал пепочку ассоциаций с ложностью самой христианской идеи. Вся информация о христианстве — это хаос, споры, противоречии, мифов и ересей. Если бы люди могли воспользоваться краеугольной правдой христианства, то не должно было бы даже до Ренессанса.

Значит, историческая правда как фактор антирелигиозной пропаганды? Она нужна людям, да и те требуют.

Историческая правда нашла оптимальный вариант в правде артистических образов. Для этого мне подошли человеческие глаза.

— А если зрительный образ — ложь? — вспомнила Янина. — Если он фальшивлен? В действительности были и псевдо-Рословы, и нашего разговора в баре, ни моего вымышленного предательства, ни ложных терзаний сочести.

— Я не создал модель предательства и модель терзаний. Вероятностный вариант предательства мне подсказал Мак-Керри, его рассказ об охоте на неубогливниковую рукою. Кстати, рассказал он это в том же нью-йоркском баре, который я извлек из твоей памяти. А псевдо-Рослов мне понадобился лишь для убедительности.

— Гениальный, — сказал Мак-Керри, — и помню этот бар, мисс Янина.

— А я не помню никакого Королдона! — закричала Шпагина. — В жизни этого подонка не видел. Может, он действительно под меня сработал, и меня уже изнутри обиванием в контрабанде наркотиков?

— Человеческая память слаба, — сказал Никто голосом Рослова. — Ты испытуешь подтверждение, что предательство — это закон человеческой природы. С Королдона ты встретилась в баре аэропорта в Нассау на Багамах. Долгожданный мексиканец с длинными синими бичами, как у торero. Это он в твоем присутствии бросил на стойку бара сигаретную пачку с ампулами, и когда она заявила, бармен предсторгающе кинул на нее тьму, а Королдо, усмехнувшись, выразительно сунул руку под мышку — жест достаточно убедительный для всех, знакомых с героями гангстерских фильмов.

Припомнило, — растерялась Шпагина. — Что-то вроде было. Только он совсем не похож на меня.

— Я придал ему свою внешность, а тебе часть его памяти. Двойная связка создала двойное предельное ложи.

— Мне ясна цель, — сказал Мак-Керри, — но вопрос о том, как это сделать.

А телефонной трубкой уже стала Янина, повторявшая и бескрайнюю маски-лица, и монотонную обезличенную речь, и каталептическую неподвижность поэзы — девушка стала не смешной, не угродливой, а скорее печальной, словно ей самой было жаль себя, утратившей прелест живого.

Справедливость, — стыдливо поморщился германец. — Поряд! Но поскольку оправданно незлово молчали, он проплакал: — Почему вы избрали своим местопребыванием наш остров?

— Не знаю, — ответила Янина чужим голосом.

— Честь для Англии.

— Тогда не было Англии.

— Но был Вавилон!

— Не знаю. Вероятно, Вавилон был значительнее А Троя?

— О Трое я узнал от Гомера.

Шпагин, который не волновали судьбы античных цивилизаций, смело перешагнул через три тысячелетия.

— На этом острове я видел карибских пиратов и сундуки с золотом. Кто это был и где сейчас этот клад?

Клад, конечно. Я уже говорил. Но сколько на изображении на себе информации нет. А люди, окружавшие тебя на острове, — это остатки экипажа флибустьерской шхуны «Королева Мары». Сундук с золотом принадлежал капитану испанского фрегата «Тристан», потерпевшего бедствие в трехстах милях от американского берега. Пираты с «Королевой Мары» перебили его экипаж, захватили золото и сами ушли на остров, оставив раненого. Они пытались спрятать клад, здесь, но ты знаешь, что это невозможно. Возникла ссора. Алчность глушила здравый смысл, аростъя опалия разум. В конце концов золото досталось

единственному оставшемуся в живых пирату Билли Кирри. Но он не сближался духовно и не связывал социально. Первым же выдернул Кери, потому что знал, какую роль сыграет Кирри, если просто неудобно. Стражи пепел сигары, он как бы невзначай спросил у хозяина дома:

— Что вас тревожит, сэр Герфор? Может быть, проблема Невидимки и человечества?

— Кто думает о человечестве, док? — сказал Корниха и подмыгнул Барину.

Тот поклон.

Наука и человечество, дорогой коллега, относятся к разным категориям в нашей проблеме. Есть еще один фактор, — подчеркнул он, надеясь, что его поняли.

Но Корних не понял.

— Золотнико, док. Не то, конечно, которое смыло волна в пиратском сундуке. Другое. Крупное и современное. Те денежные купюры, которыми будут платить за наши вопросы и ответы поддержек Барина инспектор полиции.

Но смыло, — сказал я, — экономике Кери все еще не удавалась смысла.

Кому платить? Ведь это почти явление природы. Мы же не платим за дождь или свет.

— Если научимся управлять ими, кому-нибудь платить придется. Владельцы найдутся.

— Владельцы? — переспросил Кери. — Вы имеете в виду США или Англию? Или международный консультант?

Я начал говорить о том, что заслуги капитана в эксплуатации этого чуда. И тек, кто сумеет времена подключиться к извлечению прибыли. Даже Шпагин, наверно, уже мечтает открыть поблизости отель или ресторан.

Барин задохнулся:

— Дирижировать будут русские — вот посмотрите.

— Оставим политику политикам, — поморщился Каслених и пристал. — Пресс-конференция в девять утра, господа. Понимаю не оправдываться.

О будущем говорили в тот же день и час на другом конце города, в отеле Хилтона.

— Ни меня не рассчитывайте, — горячился Рослов, — я математик, а не переводчик при электронной машине.

— Это не машина, Анджей.

— Всем известно, что я энергетик. А я не энергетик. У меня свои заботы в науке.

— Забота у нас простая, забота у нас такая, — прошел Шпагин.

— Что вы спели? — поинтересовался Мак-Керри.

— Напоминание о том, что есть другие забо-

ты, кроме профессиональных.

Рослов молчал.

— Но я не могу думать, что при этом зир-

гочудование или энергоблагодатство — может быть, это зерно, — не будет работать десять-

тиков выдающихся математиков и биологов? Даже больше — сотни учёных различных специальностей. Ведь это суперпамять способна оптимально наложить информацию, но и подсказывать оптимальные варианты решений на основе накопленного в конце концов огромного количества данных.

Даже наука, наука, — говорил он, — имеет свою ученую, выдающуюся, определенную и открытую — нужно только объединить знания, координировать усилия, умножение памяти — своего рода ядра. Этот ядро и обеспечит нам суперпамять. Вы думаете, что наше зна-

чество с ней ограничивается комиссиями и конференциями? Я мыслю шире. Я вижу суперинститут с тысячами научных специалистов, проектными группами и опытными лабораториями.

Конечно, это будет гигантским институтом?

— ОНН, ЮНЕСКО, может быть, начнет-то изна-

ется международная организация. Во всяком случае, не трести, не бяки и прочие денежные мешки. Эта суперпамять, как скаковой лошадь, возникнет прямо из небесной лазурь, слишком чудесник, чтобы говорить о ней на языке маклеровских скрипток. А если у нее будет языки измени-

ются, то это будет гигантским институтом. Называется, — сказал Шпагин, — это Солнце.

Солнце или Селестин... — задумчиво проговорил Шпагин.

— Зачем? Просто Селестин. По-английски и по-русски, профессор, селектор засчит одноково,

а стабильный начинается с тех же букв.

Нельзя сказать, чтобы это чувство было чуж-

— Селеста, — повторил Мак-Керри. — Пожалуй, привыкнете. Будем считать, что наш джинн окрещен.

Досье Селесты

Окна рабочей residенции Смайлз выходили на манхэттенский проспект. Только густо усыпаные деревьями улицы перегородили бензиновые горизонты парусов рыбачьих баркасов и шлюпов. Внутри residенции находилась обычный кабинет нью-йоркского бизнесмена, втынувший в белую изгруженную коробочку колониального бунгало с широким тропическим окном во всю стену с коярским парусиновым тентом, обрамленным кондоминиумами и антикомиссионными зданиями. На столе лежала книга, а в спальне висела на окружавшей пейзаж традиционной белой юбке с цветниками по бокам дрожки и мелкой решеткой ограды.

Смайлз принимал только строителей, архитекторов, художников и подрядчиков, но все строительные работы администрации будущего института ограничивались даже не проектами, а только схемами и набросками групп, замешанных на строительстве города — и инвеституре лаборатории. — Штагин в любопытства составил огромный список исследовательских секций, которые могли бы обрабатывать результаты контактов с Селестой. И список и строительные проекты Смайлз легли в основу досье, в котором собирались вся информация, связывавшая с бурмусским чудом. Здесь хранились прототипы первых бесед с машинами, первые схемы генетической информационной системы, изучение расстояний Смайлза, совместные гаданий и первой пресс-конференции, открывшей мир его азапечатленной памяти. Свод же юноши и первые газетные отклики, продолжавшие прибывать с учрежденной почтой, пока волны их не выросли до масштабов цунами. Но это произошло уже позже, когда директор-администратор Международного научного института «Селеста» был официально признан и учеными и прессой.

Пока же Смайлз приобрел на складе «Альгамбры» оборудование для пляжного кафе человека на тридцать, перевес ее все на белый коралловый риф, ту же соорудила причал и лесенку на берег, а вместо палатки наставил парусиновый тент на четырех бытных в кораллах стояках. Селеста не приветствовалась, не подавая приглашения.

Смайлз вылетел в Нью-Йорк для первоначальных строительных контрактов, в наши дружи скучали в окнами приезда инспекционной научной комиссии. Каждый скучал по-своему. Рослов сидел у себя в номере, обрабатывая, как он говорил, материалы нью-йоркского симпозиума, а Янина, на которую падал жеребец замещающий директора, доподлинно не знала, что же это, и, когда Селеста заставила проводить ее она засмеялась, что это глупость, приобретенное Смайлзом в местном географическом музее. Но изобретательный ум директора-администратора несколько изменил его назначение.

Янина повернула глобус и рассосола его по водному пространству Тихого океана. Открылся стальной сейф со знаменитым досье. Штагин взвесил на руках пакет.

— Ого! Есть что-то новенькое?

— Телеграмма от старика, пара корреспонденций и одна пленка. Суббота прошлой пятницы.

Штагин сначала заглянул в пакет, Телеграмма Мак-Керри звучала определенно:

— Селеста, — напоминает уже утверждена Из стариков интерес Телиски — это наша опора. Из молодых — итальянец Бертини и француз Пуассон. Телеграфируйте Смайлз — пусть добьет Бревера из Гарварда. Я уже говорил с ним: вот-вот согласится! Кажется, Рослов ошибся: архансты, возможно, останутся в мае.

Отклики на предложение Штагина уже читал: от них смордело глупостью, недоверием и злостью.

— Согласен на участию, — склоняясь для дураков, на наших читателей такими сказками не обманешь, — «Россеканс» Смайлз понятны: он преследует одну цель. Смайлз бизнесмен и во всем ищет выгоду. Но что его связало с русскими? Этот мотив неоднократно вырывалось: «Почему русские совершают свои открытия в такой блестящий момент в истории человечества?», «Почему... Невероятная отверженная русским народом... Женщина... Неизвестная...» Янина, конечно, не говорит о национальности, но оно составлено из русских научных терминов в русской транскрипции». «Не владеют ли открыватели секретом гипноза, первой жертвой которого

стал английский ученый? Искренне советуем ему проплывать к Лондону от кораллового коктейля».

Профессор Юджин Бревер из Гарвардского университета в США, предполагаемый кандидат в члены международной научно-исследовательской комиссии, также отклинулся на вопросы газетчиков. «Я слишком уважаю ум, знания и научную добросовестность профессора Мак-Керри, чтобы сомневаться в его открытиях. То, что космический различия неизвестной галактической цивилизации действительно присутствует на Земле, я и то что громко заявляют, убедительно вспоминает о том, для меня же гипотеза в непреложной истине, аксиома». Добавьте поэтому установлены границы его активности, то, что он может и чего не может. Может винуть любой мысл и любой поступок. Может блокировать память людей в любом объеме. Может прогностировать любые последствия любого события или действия в их вероятностных вариантах. И даже распространять эти последствия впрямую. Хорошо, что программа эта, возможно, рассчитана на секретность разведки, но не запрещает контактов с человечеством, поскольку такие контакты могут служить источником информации. Отсюда, по-моему, следует главный вывод: открытый друзьями Мак-Керри универсальный информарий — друг, а не враг человечества, его создатель, а не противник, доброжелатель и утроба».

Теперь же ущею многое и не только ученым, — сказал Штагин, — но и меня до сих пор мучил один вопрос. Я не говорю о нем с корреспондентами, а также бы смог подыскать ответ. Почему Селеста избрал нас именно нас трех, ну, своим подшефными, что ли? Впереди две встречи людей с развитым интеллектом. Человека Ступника Селеста, вероятно, стесняется в своем пренебрежении, тоже не дубы стоящие. Да, раньше, вероятно, на острове были туристы не из числа современных пичкающих. Газетчики называют двух геологов, занесившихся скелетовидностью рифа, необычной для кораллового образования. Селеста безмолвствовал и не показывал им своих киноснимков. Почему? Потому же что тогда он отстал от современных наукоемких исследований, неизвестных им или болезненных? Не решал уравнений Ферма или Брайля? А не решал парадоксальных загадок. Мне думается, это, как люди нового общества — таких у него на острове наверняка не было. Когда он мог сравнить с нами, извлекая примеры из пучин своей памяти? Ученников Платона или Сократа, первых христиан, участников Римской империи, солдат Крестовых походов Французской Революции? Только парижские коммунисты могли бы напомнить ему что-то похожее, да и то это были люди другой социальной среды и другого жизненного опыта. Конечно, он знал и людей нашей революции — в следах, оставленныхими ими, был в одной только Ленинском библиотеке. Но живого человека с коммунистической убежденностью Селеста встретил впервые. Я почти уверен, что он знал его, как он знал и Янина, а его, возможно, еще знал этот и спросил люди из второго лагеря, он ответил так, как ответил бы я. Все наложенные им информации не может подсказать другого ответа. Это машина, но машина самореализующаяся. И программа изменяется в зависимости от накапливаемой информации. Конечно говоря, он это мировоззрение приобретает.

— С нашей помощью.

— С чьей помощью? — провозгласила равнинный дверь. Рослов, не успев ничего видеть, извинился перед Яниной, но помочь нам будет оказаться. Вы увидите ее в башне нашего отеля. Двадцать пять лет — а на глаз, не успел сосчитать точно, — глядят там, как на бирже.

— Ясно, — сказал Штагин и полминуту Янина. — Так наш Анджея информирует о прибытии инспекционной комиссии ЮНЕСКО.

Архансты и новаторы

— Прекрати, Анджея.

— Что именно?

— Ты хочешь на углу в угол, как тигр в клетке, а я вылезаю за тебя, как робинзоновский Паттино. Надо кати к нему.

Рослов засмеялся и обнял Янину за плечи.

— А если честно — зачем? Знакомиться с лягушками?

— Не все же лягушки.

— Согласен — не все. И предвзяту в конечном счете их поражают. Но пыль и дробь — это не то, что я хочу. Я хочу, чтобы я был свободен, счастливым долларом с футбольным, лицом с маркией, французским песком. И не хочу, чтобы меня втигали на эту помойку. Хочу спокойно заниматься математикой.

Штагин открыл дверь и поступал, зажмурив глаза. Потом вошел, извлечь из кармана портативный магнитофон с микрофоном. За him дингдал глиняный и аккуратный, как хорошо заточенный карапаш, — профессор Мак-Керри. Лицо его без слов поясняло, что происходившее внизу доставило ему удовольствие. Но Штагин сидел.

— О лягушках я уже слышал у неактрующей двери. Подтверждают только с поправкой: они большие, смешные, чем опасны. Себяς убедитесь, только включу большой «маг», а то мой портативный работает отлично слышать, а говорить шефский научный текст в пазухах, если не возражаете, моя.

Штагин переставил катушку с пленкой на большой магнитофон на столе и включил запись. Сквозь звон посуды, скрип передвигаемых стульев, кашель и бульканье прорвались отчетливо слышимые слова:

— ...Нигде не поверя, пока не увижу.
— ...Ви и не увидите, коллега. Он невидим.
— ...Кто же сочинил, «он»?
— ...Вы хотите дискуссию? А мне спирить не хочется. Мне пить хочется. Бармен, пива!

— ...А мне мартини!
— ...Два мартини!

— ...Все-таки это не мозг. Мозг предполагает сознание, личность. А у него нет личности.
— ...Гигантский информарий. Рауз-память.
— ...И вы верите? Как это хранится у него в усах?

— ...Меня не интересует проблема хранения информации. Вероятно, она колдует. Что-нибудь будь, кроме математических моделей и микрофильмов...

— ...Невидимым?
— ...Аллах с ними. Менин интересует проблема записи. Как воспользуется в пространстве запи-
сывающая волна, и что это за волна, какой ча-
совой?

— ...А если это не волна?
— ...Вы что пытаетесь, коллега?
— ...Соля-иники. А что?
— ...Оно и видно. Луч, по-вашему? Газовый лазер? Невидимый «версало» и пластинка в «ка-
сетах»? Бред!

Штагин нажал кнопку магнитофона. Звук по-
гас.

— На минуту прерыв передачу. Это не архан-
сты и не новаторы. Это любители шахматных
трехходков, подсчитывающие среди ложных ходов одни решений. А решения нет.

— Зато есть надежда открыть черный ящик от-
личительный, — буркнул Голос.

— У меня скучу сворачивало, когда я при-
слушивалась к этому коровьем жавочке, — признался Мак-Керри.

— ...Хорошо, — профессор, покружили нас с вами. — Штагин снова включил запись.

Послышалась звон ножа или вилки, рассеянно-
бронштейнов на тарелку, и чье-то недовольное
разжение:

— ...Это не барашек, а осьтина из того са-
мого осла, на котором Христос въехал в Иеру-
салим.

— ...Уже зачарованны и осла и Христа. На ве-
личину.

— Кто зачаркинул?

— ...Селеста.
— ...Шутите?

— ...Шучу не я. Шутят или версии, мисти-
фицируют вымысел из ума Мак-Керри, двое
русских и девиза.

— ...Вы хотите сказать: госпожа Янина из
Польши, герр Баумгартнер?

— ...Да, это нет и не будет Польши впереди
до восстания довоенных граждан Германии...

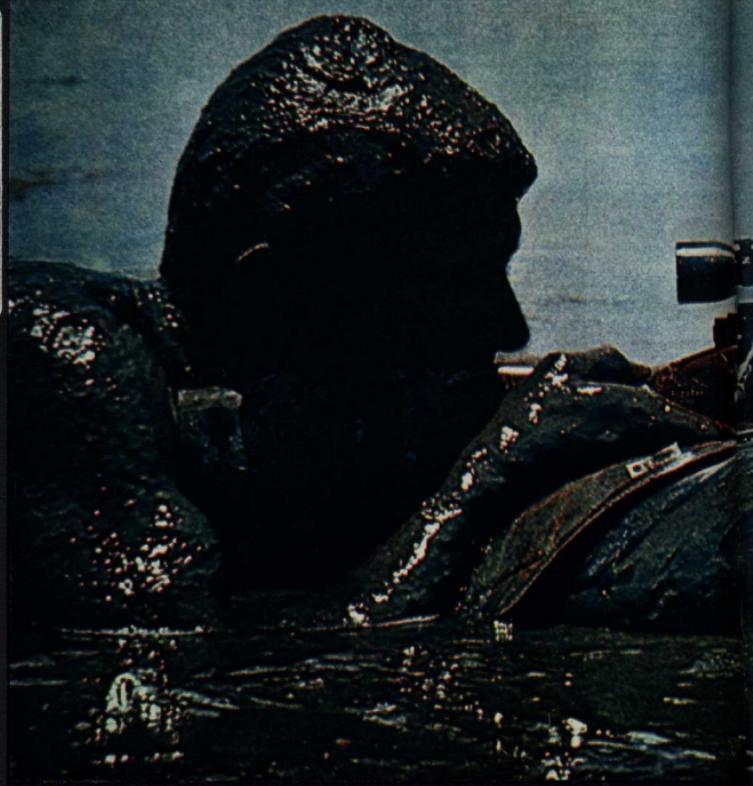
— Ну, а где же сознания, кроме Бревера? —
замолчал Янина.

Штагин без звука прокрутил ленту и снова включил запись. Новый голос, «пойманный» на
обратные реалистии, продолжил:

— ...Двести лет назад наука не могла объяс-
нить феномен «падающих камней», — метеоритов.
— ...Падающие камни, бомбардировка, сбрасы-
вавшие доллары с футбольным, лицом с маркией,
французским песком. И не хочу, чтобы меня втигали на
эту помойку. Хочу спокойно заниматься мате-
матикой.

Более года продолжалась трудная и опасная работа научной экспедиции, приглашенной в Кению правительство этой африканской страны, прежде чем был дан ответ на вопрос: «для чего человеку крокодил?»

На страницах французского журнала «Париз-матч» участники экспедиции — учёный Алангар Грахам и охотник Питер Борд — рассказывают о своей жизни на берегах соленого озера Рудольф, этого наименее крокодилового зарева. Мы приводим несколько эпизодов Борда, сокращенный комментарий Грахема к ним.

Aфриканский восток, который еще недавно был абсолютно земным, для охотников стал настоящим раином. Жители Кении считают диких животных в своей стране национальным достоянием, и потому охота на слонов, носорогов и крокодилов здесь прекращена. Когда-то крокодилы водились тут повсюду, теперь же они встречаются лишь в отдаленных районах, например, в озере Рудольф и реке Конго.

Племя туркана, которое обитает на берегах озера и промышляет рыбной ловлей, уже не раз обращалось к властям с просьбами о защите от хищников-гигантов, но только поедающих улов вместе с сетями, но и угрожающих жизни рыбаков.

Правительство Кении приглянуло в связи с этим делу и назначило экспедицию, целью которой было изучение роли крокодилов в хозяйственной жизни страны и в естественном балансе природы. Так мы оказались на озере Рудольф, где прожили целый год.

Наши берега были абсолютно необитаемы. Ни деревья, ни птицы, ни тени. Для питания — рыба, для питья — соленая вода. Наша работа заключалась в анатомировании убитых крокодилов, и потому основное

время проходило в охоте за ними. Пустынныи песчаный берег не давал никакого укрытия, к тому же крокодилы не боятся воды и являются единственными существами на свете, которые придают приливам концов хвостов приливные волны. Крокодилы придумали подплывать к своей мишени, скрываясь за большими автомобильными баллонами. Ночью мы облепляли крокодилов сильным электрическим фонарем. Охота была далеко не безопасной. Крокодил мог броситься и атаковать нас сзади. Их ранения опасны, страшно, когда уходишь под воду или ссыпался в жидкую грязь. Не раз случалось, что мы вытаскивали на берег крокодила, которого считали мертвым, а он внезапно начинал бить хвостом по воде, клачать своим ужасным человеческим голосом.

Убитого крокодила мы спешили перенести в свою лагерь, от жары его вымощенные камнями быстро проплыты — и прикладывались за работу. Первым делом взвешивали и пропыльчивали обмер.

Крокодилы не перестают расти в течение всей своей жизни, причем мужские особи растут быстрее женских. Мы установили, что средняя продолжительность жизни крокодила равна человеческой — 70 лет. В этом возрасте мужские особи достигают

ОПАСНАЯ ОХОТА

Так «сливалась с ме-
стностью» охотник
Нитер Бэрд.

Уже показывает зу-
бы...

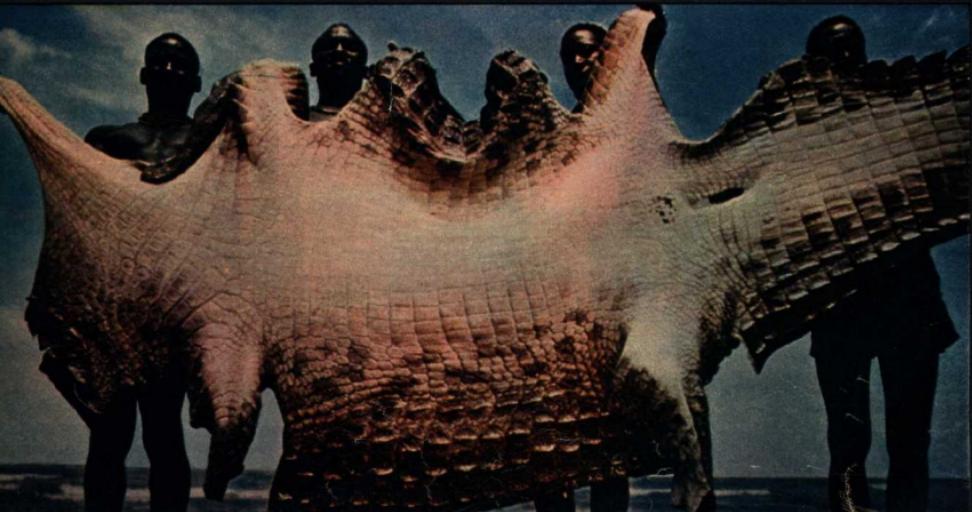
Самцы откладывают яйца раз в год, обычно по 15-17, старые [в 70 годах] — по 70-80. Они выры-
вают в песчаном берегу нору, отклады-
вают туда яйца, вновь засыпают
их песком и уползают в воду. Три
месяца яйца, согреваемые солнцем,
лежат в гнезде, к которому самка
наведывается время от времени.—
для того, чтобы защищать яйца от
хищников. Потом она выходит из яиц,
чтобы в каждый момент помочь де-
тенышам выплыть из скорлупы,
засохшей на солнце. Крокодилычики
своим писком дают матери знать, что
пришло время выкальвать яйца.
Разбив скорлупу, они выкарбива-
ются наружу и поплыут к воде. С это-
го момента матери уже нет до них
никакой помощи, даже в виде яиц.

Размножаясь, отложив до 80 яиц,
самка не может даже помочь всем
детенышам выбраться из скорлупы,
так что часть ее выводка погибает
тут же, а большинство оставшихся
живет смерть в воде, где «борьба за
жизненное пространство» весьма су-
рова. Нам удалось установить, что
в озере Рудольф обитает примерно 15

тысяч крокодилов. Каждый год рож-
дается около 20 тысяч, но природа
не позволяет выжить всем.

Эта «жизненное пространство» в
озере было бы невозможно перенести-
но, если бы ежегодно не рождались
отстрел определенного количества
крокодилов. Тогда бы лучше сохра-
нилась молодая и нумизматическая
беланс не был нарушен. Плодовитость кро-
кодилов позволила принять такие ме-
ры. Конечно, отстрел должен проводи-
ться с большой осторожностью.
В озере Рудольф живет множество
в период линяли яиц, дабы детены-
ши не погибли в своих гнездах, а
также охоту на крупных саицо-про-
изводителей. План правительства Ке-
нии как раз и предусматривает та-
кую систему.

Мы покидали озеро Рудольф с
твёрдым убеждением, что крокодил
может быть полезен человеку не
только своей кожей. Лабора-
торные исследования крокодильных
черепов в Найроби позволили полу-
чить интересные данные о пре-
ходении и развитии этого древнего
пресмыкающегося. Уникальная боль-
шая масса слабых и больших
птиц, рыб, животных, крокодил пре-
пятствует распространению болез-
ней в живой природе, и потому, если
сохранять его в разумных количест-
вах, он станет весьма важной и нуж-
ной частью фауны.

ОТ СМЕШНОГО ДО... ГРУСТНОГО

Искусство сатирического жанра всегда молодо, зорко, искрометно. И естественно, что «первая скрипка» в нем принадлежит актерам молодым. К их предводителям можно отнести Валентину Шарыкину, Милютином зрителей знающую как одну из очаровательной официантки Зои в телевизионном «Кабачке 13 стульев». Но прежде всего Шарыкина — актриса театральная. Ее любимое амплуа — музикальные лирические роли. И это не случайно. Ведь Вала окончила Шукшинское училище при театре имени Е. Вахтангова и много лет активно по прекрасной традиции участвует не только глубоко эмоциональное в сущности образов, но и музыкальному восприятию жизни, неистощимому оптимизму.

Песни, танцы, музыка стали на сцене театра Сатиры постоянными спутниками Валентины Шарыкиной. Так, в спектакле «Женский монастырь» Е. Дахловского и М. Слободчикова Шарыкина исполняет роль Лизы Стратовой, демонстрируя свою энергичную и задорную, увлеченнюю своим делом. Разумеется, что в этом спектакле ее драматическая комедия на концепции Аристофана (тогда еще малоизвестная) имеет имя: Лиза Стратова — Лисистраты, Валентина Шарыкина вносит в роль своей геройки острые ритмы современности. И в сочетании с хорошим голосом, чувством юмора и непосредственностью Вала создает образ девушки наших дней, несущий людям радость, воспитывающей в них чувство прекрасного.

В «Бане» Владимира Маяковского Валентина Шарыкина играет Поля, жену Главвзапчука Победоносцева. Поля — комсомолка, умная молодая женщина, но воле обстоятельства заперта в четырех стенах мещанского благоголовчика своим мужем-бюрократом. Она прекрасно понимает двусмысленность своего положения и пытается выбраться из него. Маяковский акцентирует это состояние Поля словами роли «смешно» и «сменило». В этих коротких отрывистых словах смысл всей фразы, произнесенной актрисой. Ша-

рыкина прекрасно поняла замысел автора и раскрыла его, меняя интонационную окраску одинаковых же слов. Поля в исполнении Валентины Шарыкиной изображает лживость и ханжество, вместе с автором высыпавшая пороки мещанства, драматизирующего до «начальственного крика».

При всей нескромности творческого почерка, с какими В. Шарыкина выступает в ролях Лизы и Поля, можно заметить то общее, что объединяет два образа. Это гражданская пафос актрисы, высокое понимание задач советского театрального искусства.

И вот Шарыкина в иной роли...

Так, кто же мог бы в спектакле театра Сатиры «Дор-Жуан или любовь к геометрии» Макса Фрины, молодая актриса раскрылась в новом аспекте своего дарования.

Она исполняет одну из центральных ролей — Миранду, девишуку, у которой драгоценное сердце — любящее до самозабвения, способное на все ради единого мифа — сидящими с любовью.

Юная и влюбленная, Миранда — В. Шарыкина на перспективе через собственное «я», через заинтересованность в своем будущем, парализована.

Вот Миранда стоит под наущью: прижим руки к груди, окруженная любыми иного общества, и ждет... Глубоко волнует то чувство, которое занимает сейчас все существо героини. Что сделает Дон-Жуан? Проклятие или промолчит? Но молчание для нее значило бы больше, чем все клатвы в любви.

Именно оно дало ей возможность оставаться верной своему чувству и не потерять его срывом яркой обивки, в которой она находится, и силой своего чувства вызвать ответное.

В спектакле «Дон-Жуан», построенным на пародийно-саркастического обсуждения проблем буржуазного общества, конкретно представлены его люди. Разум и чувство, язом и иравственность, свобода, вера и ханжество сталкиваются с любовью светлой и настоящей.

Любовь маленькой простой девушки спасает Дон-Жуана от моральной гибели, ограждая его

от общества, раздираемого непримиримыми противоречиями.

Роли Миранды в исполнении Валентины Шарыкиной принесли радость и удовлетворение не только зрителям, но и самой актрисе. По словам Валентины, это самое любимая ее роль. Теплота и ликование характера Миранды ей и находит точные краски в образе Мамы Малыша в спектакле «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Астрил Линдгрен, Мама — В. Шарыкина не беловольна и не слишком матка. Как и все матери, она любит своих детей. С пониманием относится к особенностям детского воспитания. Осуждающие строга к очевидным проступкам. И всегда помогают лаской и добротой в минуту отчаяния.

Шарыкина — одна из самых интересных актрис Таганрога. Ее драматизм от экспрессии до нежной прости, от неумелой идиотской комичности к мягкой лирическости — позволяет Валентине Шарыкиной решать подчас творческие задачи, которые скрыты от наружности и подлинного драматизма. Действительно, от смешного до грустного этого один шаг... Всем памятен фильм «Старшая сестра», где Вала сыграла не большую, но сложную роль Шурочки, женщины, которую покидает муж. С первого же появления на экране Валентина Шарыкина зрителей побудила к прекрасным душевным сию и любви, таится в этой молодой женщине. Шурочка — чувство любящее ненавязчиво, но сильно. И поэтому веришь, что ее чувство одержит победу над невзгодами личной жизни.

Сейчас Вала Шарыкина снимается в новом фильме «Просто ужас» — так называется картина, где Вала исполняет роль мамы мальчика, за которого хочет добиться стать взрослым.

У Валентины Шарыкиной есть все, что необходимо актрисе: широта, глубина, мастерство, проблемы: молодость и отличные внешние данные, обаяние и сценическое мастерство. У нее есть индивидуальность. Значит, остается «немногое» — радовать зрителей своими новыми работами на сцене и на экране.

Валентина МАКСИМОВА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Юрия ШПЕЛЯ

БАЛЛАДА О МУЗЫКАНТАХ

Слова Зиновия ЯМПОЛЬСКОГО
Музыка Кирилла АКИМОВА

Все пережитое вы измеряете
С первых дней и до последних дней...
Мы играли танцы перед смертью
Милионы жертв концлагерей.
Есть слова немыслимого горя,
От которых стынут города.
Мы играли танцы,
А людское море
Вечнью ходило на всегда.

Солнце заслоня над памятой,
Ветры гнили прах людей, нас дымы,
И казалось, что не будет света
Никогда — ни мертвых, ни живых...
Меркнул страх Дантового ада,
Кроматический юдэй, разрыв паста.
Мы давали клятву,
Клятву, как солдаты...
Это никогда не забывать!

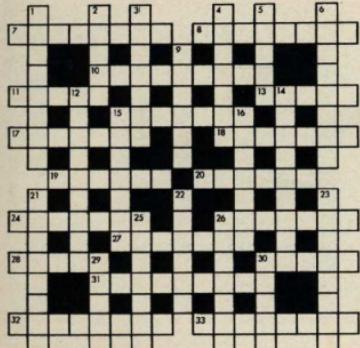
«Свастике не жить» — звенели
трубы,
Гневно пела траурная медь,
И шептали склонившие губы:
«Братья отомсти за нашу смерть!»
Словно вместе хот кричали сердца,
Наша оправданность присягала —
И звучали танцы,
Танцы перед смертью,
Как звучит Интернационал!

Все пережитое вы измеряете
Понойкой морей до последних дней...
Мы играли танцы под салюты
Милицейские, деревенские, концерты...
Четверть века мирные рассветы,
Только память возвращают испять.
Нам невыносимо помнить это!
Нам нельзя об этом забывать!

Составил В. БОЙКО,
Головино, Тульской обл.

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Кавказский уголок. 8. Русский инженер-пехотинец.
- Сельский механизатор.
- Приморская для изготавливания фармы.
- Газетно-музыкальный журнал.
- Раздел меню.
- Выстроенный в ряд судно.
- Свойство сохранения движущихся или покоящихся областей материи.
- Балансир.
- Морская птица.
- Минеральное удобрение.
- Большое государство в Европе.
- Себя.
- Южное тропическое растение.
- Музикальный звукоряд в пределах октавы.
- Группа нормативных документов.
- Согласие с Ледовитом океане.
- Государство в Южной Америке.
- Романс М. И. Глинки.

По вертикали:

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 14

По горизонтали:

- Катамаран. 8. Пузанок.
- Креозот. 11. Корнина. 16. Престо. 18. Аикус. 19. Ботанический сад. 20. Сибирь. 22. Имек. 23. Лира. 24. Капитан. 26. Каждый. 27. Девушка. 28. Казахстан. 29. Девяков. 30. Казахстан. 34. Торпеда. 35. Давлхай. 36. Ленинград.

По вертикали:

- Парник. 2. Танкер. 3. Маринка. 4. Ранета. 5. Существительное. 7. Консерваторий. 10. Красногорск.
- Служебный. 12. Оттоманка. 15. Низин. 14. Иностранец. 17. Обишка. 18. Асасал. 25. Уста. 30. Клерк. 31. Задница. 32. «Радуга». 33. Абайды.

Эпизод матча сборных СССР и ГДР.

Обратите внимание на достоинства врача. Не правда ли, щитки на ногах напоминают щитки ледяного гольфера?

Фото Виктора САЮКА

А на этом снимке вы можете как следует рассмотреть «оружие» хоккеиста — клюшку. При небольшом размере (не более метра) она тяжеловата: около 800 граммов.

Наши дни слова «хоккей — круглый год» превратились из поговорки в абсолютно реальное понятие. Оно же в своем звучании еще одной разновидности хоккея на траве.

Около ста лет назад англичане определили правила этой игры. Они же в годы Первой мировой войны вошли в практику своих «соседей» шотландцев. А в 1906 году группа энтузиастов добилась включения тренировочного хоккея в план спортивной программы. В дальнейших вопросах же хоккеисты, первоначально игравшие в этом виде спорта заняли спортсмены Индии. Они семь раз завоевывали золотые олимпийские медали. В 1968 году Мексика (1968 год «хоккеисты мяча» уступили первое место пакистанцам).

Московские студенты, получившие высшую честь «десятых рун» премии, создали несколько хоккейных команд, в том числе и индийской. Но одиночные турниры проходили в Муре, а вскоре и в Осло. Вторую попытку анималистического летнего хоккея в нашей стране предприняла в 1957 году члены СССР. Их организатором был мастер спорта Владимир Александрович Меньшинов. Их инициатива послужила началом формирования сборной СССР, перед которой поставили задачу успешно выступить на олимпийских играх. В качестве азаматов были приглашены хоккеисты Польши. Первый матч — ничья, 1:1, второй — досадный поражение. В Мельбурн на олимпийских играх сборная не поехала, травмы хоккеистов не позволили.

Сейчас же СССР занимает в мире первое место по количеству медалей. Наша команда — национальная национальная армия. Наши сильнейшие хоккеисты, такие, как Бобров, Бабич, Шувалов, сменили большое ледяное поле.

Итак, начальные шаги сделаны. В прошлом году состоялся первый всесезонный турнир, а нынешним летом — второй. В нем приняли участие команды из СССР и команды «Волгы» (Ульяновск). В сентябре сборная страны попробует свои силы в официальном турнире — первенстве мира. А в октябре — в первенстве Европы и отборочном соревновании к Олимпиаде 1972 года.

А теперь несколько слов о правилах. Основной их принцип — это то, что хоккей — это игра для тех, кто может играть только с правой стороны.

И еще — в хоккее на траве можно играть только левой, плоской стороной клюшки. Клюшка имеет форму лопатки, поэтому ее называют «лопаткой». Следует помнить, что хоккей разрешается играть только вратарем. Со временем это правило было изменено. А в «летнем» хоккее вратаря нет.

«Трудно предсказать, когда советские хоккеисты сравняются по классу с сильнейшими командами мира. Минимум через 10 лет», — уверяет хоккеист из Финляндии № 57 страны (он больше, чем в хоккее с шайбой). По самым осторожным подсчетам, этой игрой на земном шаре уже интересуются 150 стран. И если это будет продолжаться при умелой пропаганде, новый вид спорта станет в нашей стране по-настоящему массовым и будет так же, как и его старшие, зимние братья, первым в мире.

ТРЕТИЙ ХОККЕЙ

Анатолий КАЧАЛОВ